

Дана Гельдэ
*И малое станет большим,
и большое — малым*

Дана Гельдэ

**И малое станет большим,
и большое – малым**

«Издательские решения»

Гельдэ Д.

И малое станет большим, и большое – малым / Д. Гельдэ —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854708-9

Ключ к успеху, славе и карьере — эмоциональный интеллект: интерес к своим и чужим чувствам, умение понимать их и управлять ими. Дане Гельдэ удалось не только ярко передать эмоции героини, но и то, как она «считывала» настроения и эмоции других людей. Можно «перелопатить» труды многих психологов, изучая секреты EQ, чтобы научиться разбираться в людях, в своем уровне эмоционального коэффициента, а можно проверить его, читая эту книгу. Она рассчитана на разные уровни и интересы читателей.

ISBN 978-5-44-854708-9

© Гельдэ Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	31
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

И малое станет большим, и большое – малым

Дана Гельдэ

Моим детям посвящается.

© Дана Гельдэ, 2021

ISBN 978-5-4485-4708-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.
И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.
Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но поражения от победы
Ты сам не должен отличать.*

Б. Пастернак

– Ас-саламу алейкум! С Новым годом! Желаем всем здоровья, пусть всем тем, кто встретит его, Всевышний даст возможность и проводить, долгих лет жизни всем нашим близким, а наша бабушка Сакуп пусть по-прежнему будет среди нас. Нам нужны ее советы, ее мудрость, – говорил сын Мукатая, Сулейман, который пришел с женой поздравить родителей и бабушку с праздником. Бабушка Сулеймана мельком взглянула на молодую сноху и сказала: – Наступает год Огненной лошади. Он будет хорошим для трудолюбивых людей, они будут вознаграждены за свою работу. Год будет богат на события. Я знаю, у наших молодых родится малыш, который будет обладать большой силой, ему будут покровительствовать небеса. Этот жеребенок будет лететь впереди всех. Вам, Сулейман и Райхан, нужно молиться, чтобы родился мальчик, девочке эти качества ни к чему. Не стоит забывать, что дети, рожденные в год Огненной Лошади, могут стать либо гениями, либо злодеями, либо праведниками, либо пустятся во все тяжкие грехи, у них нет середины. Они не будут выбирать себе легкой и тихой жизни. Сложный тернистый путь – их удел. Женщина – «огненная лошадь» – это тяжелый характер с самого детства. Дети рождаются с булатным стержнем в груди, и если будет дочь, то вам придется ее растить в «ежовых рукавицах», иначе, потом не сладишь. Но, если такая женщина встретит своего человека, то она будет с ним в одной упряжке работать на равных. Эту мощную энергетику огня и свою силу она передаст своим детям, которые много добьются в жизни, благодаря советам и поддержке такой матери. Старики говорили, что мать Чингисхана родилась в год Огненной лошади. Брошенная родственниками мужа, оставшись в степи одна с маленькими детьми, она не сгинула, а подняла род. С какими испытаниями ей пришлось справиться и какого сына воспитала эта сильная женщина знают все!

Сулейман и Райхан слушали и запоминали слова мудрой бабушки Сакуп, и молча молили Всевышнего дать им сына.

Глава 1

В купе плацкартного вагона был приглушен свет. Посапывая, похрапывая, ехали пассажиры. Почти всем им нужно было выходить на конечной станции. Работяги знали, куда ехали, поэтому отсыпались впрок, набирались сил, чтобы влиться в поток мегаполиса, в котором будут передвигаться исключительно бегом, по маршруту «Дом – Работа – Дом». Каждый из них знал, что его там ждет. Только мне это было неизвестно. Мне совсем не хотелось спать. Охваченная жутким страхом, сковавшим руки и ноги, зажмурив глаза, я не могла пошевелиться и подняться с чужой полки, чтобы постелить себе постель. Подобные ощущения со мной уже случались, но совершенно при других обстоятельствах и в другой жизни. Далекой осенью, еще в девятом классе, нас отправили на механизированный ток (место для окончательной сортировки, сушки и очистки зерна перед отправкой его на эlevator).

Впятером разровняв зерно в кузове КамАЗа, мы спускались на землю. Как всегда, пропустив всех вперед, я спускалась с машины последней. Спрыгнула на перемычку, соединяющую кузов и прицеп, а потом вдруг почувствовала, как машина резко тронулась. Зацепившись руками за борт, стоя на соединении между ними, я думала, как мне поступить:

– Прыгнуть, значит, попасть под колеса. Если ехать, пока водитель не остановится, хватит ли у меня сил удержаться?

Очень хотелось кричать, звать на помощь, но язык прилип к нёбу от страха. Почувствовав парализующий леденящий холод изнутри, я испугалась, но осталась стоять на перемычке. Девочки не заметили моего отсутствия. Не оглядываясь, они шли, мило болтали между собой и удалялись от машины. Я, мертвенно-бледная, словно распятая между двумя кузовами, онемевшая и окаменевшая, ехала дальше. Вдруг одна из них, не услышав от меня ответа на свой вопрос, оглянулась. Она увидела мою фигуру на уезжавшем КамАЗе и не раздумывая, рванула вперед, наперерез разворачивавшейся машине. Девочка кинулась под колеса грузовика и остановила его.

Я спустилась с этой злосчастной перемычки молча, с трудом отцепив деревянные пальцы от бортиков, с жуткой дрожью в коленях и стуча зубами. Поблагодарить подружку за свое спасение я могла только мысленно, кивком головы. Сквозь дремоту появлялись одна за другой картинки из далекого прошлого. Некоторые из них были тревожными, а другие согревали мою испуганную и одинокую душу в этом битком набитом людьми вагоне. Неожиданно вспомнилось первое в жизни путешествие на поезде. Мы с бабушкой и дедушкой ехали к тете, в далекий Усть-Каменогорск. Укладывая меня спать на нижней полке, наклонившись низко, бабушка шептала мне на ушко слова колыбельной песни. Она сочинила ее специально для меня:

– Месяц, месяц, у луны круглые глаза, среди множества детишек наша Дана – особенная! Да хранит тебя Аллах!

Я была детсадовским ребенком и говорила только по-русски. Не понимая ее слов, произнесенных на казахском языке, я спросила:

– Аже (бабушка), ты просила Аллаха забрать меня к себе? Бабушка, нежно поцеловав в лоб, ответила:

– Глупенькая, я прошу Его присматривать за тобой и защищать, пока я буду спать.

Она уже хотела уйти в свое купе, но её остановил мой пересказ сна:

– Аже, мне вчера приснилось, будто нахожусь в лодке посреди океана. Я, одна-одиношенька, плыву к видневшемуся вдалеке острову. Морские капли, отлетающие от весел, брызгали мне в лицо. На губах я чувствовала вкус соли. Красивый райский уголок был усыпан великолепными цветами. Они росли даже в воде, вдоль всего берега. Чудесный остров завораживал взор и манил меня своей красотой. Я очень долго плыла к нему, руки устали от тяжелых весел.

Было очень трудно, не хватало сил, но, в то же время, страшно хотелось доплыть до этого земного рая. Добравшись до острова, я проснулась. Что это значит?

Мне, впечатлительной девочке, часто снились содержательные, загадочные сны, которые я всегда рассказывала бабушке. Моя мудрая аже поясняла мне смысл видений, успокаивая мое встревоженное сердечко. Многие из этих видений остались в памяти на долгие годы, как бы в подтверждение бабушкиных пророчеств. Другие давно и прочно забыты.

На этот раз сновидение не было однозначным. Задумчивым, отстраненным взглядом бабушка посмотрела мимо меня, будто вопрошала неведомую даль и ждала ответа. В ее глазах были тревога и страх. В этот момент ей открывалось нечто важное. Возможно, это было моё будущее, то что мне предстояло еще узнать наяву, «прочувствовать всей кожей». Безумно долго длилось ее раздумье, потом она произнесла приглушенно:

– Да-а-а, и малое станет большим, и большое – малым! Помолчав, бабушка продолжила: – Ты вырастешь, станешь счастливой, но прежде чем ты доберешься до своего «острова», прольешь немало слез. Их вкус ты уже почувствовала на своих губах. Моя дорогая девочка, тебе предстоит пройти много испытаний. Запомни, что бы в твоей жизни ни происходило, как бы тяжело и страшно не было, верь, тебе в будущем предначертано судьбой большое счастье. Придет твое время, и оно обязательно наступит! Не переставай ждать его! Стремись к нему! Аллах не оставит, но... все зависит от тебя!

– Аже, а как я узнаю его? Как пойму, что нашла? Вдруг, я не догадаюсь, что уже на этом острове и пойду его искать дальше? – спросила я сквозь сон.

– Душа моя, ты сразу поймешь, что нашла. Это будет очень красивое место, там ты встретишь умных, добрых и хороших людей. Спи, родная, пусть Аллах подскажет тебе дорогу к нему! – доходил до меня бабушкин шепот, словно откуда-то издалека.

Лишь потом, став взрослой, я вспоминала сон, предсказание бабушки и незатейливую поговорку моих предков-кочевников, в которой раскрывались с каждым испытанием новые значения. Казахи – очень рациональный народ во всем: в делах, словах, в быту, в еде. Например, казахская кухня не отличается большим разнообразием, но она вкусная и включает в себя все необходимое. Состоит из продуктов, которые можно перевозить на большие расстояния. На многое повлиял кочевой образ жизни предков, для которых важна была мобильность и практичность. В речи казахи тоже немногословны. Наш язык изобилует короткими многозначными формами и формулами, ёмкими по своему содержанию. Зная только значение слов, но не зная поговорок и пословиц, невозможно понять до конца, без пояснений, их скрытого смысла. Обстоятельства, при которых употреблено то или иное выражение, тоже могут повлиять на смысл сказанного.

Я очень хорошо помню, как мы с мамой ходили на казахский спектакль «Козы Корпеш и Баянслу». Рядом с нами сидели русские девочки из Новосибирска, которые слушали перевод текста в наушниках. То и дело зал взрывался от хохота, а девочкам казалось, что им переводят неправильно, потому что не было смешно. Причина этого была банальной: при переводе юмор из фразы исчезал, терялась его суть.

В воспитательном процессе старшие чаще немногословны. Я не помню, чтобы они читали нам нотации, объясняя, как нужно себя вести, если мы поступали неправильно. Родителям было достаточно посмотреть на нас строго, и мы их без слов понимали. Зачастую на все крупные семейные мероприятия собирался целый клан родственников, родственники родственников, соседи, знакомые и знакомые знакомых. Во время таких собраний самое младшее поколение впитывает в себя традиции наглядно. Младшие видят, что аксакалы (старцы) являются безусловно авторитетными людьми. Они чинно восседают во главе достархана (стола), молча наблюдают за процессом, изредка делая замечания, иногда только взглядом или жестом. Младшие, наблюдая за выражением лиц стариков, считывали их реакцию, настроение, эмоции.

Думаю, это шло из давних времен. Кочевым народам были необходимы такие умения, для того, чтобы с первого взгляда научиться распознать в бескрайней степи, при случайной встрече, друга, или врага, предугадать его намерения, замыслы. Вот где истоки физиогномики! Не потому ли зародилась эта наука на Востоке?

Во время больших мероприятий дети учатся у среднего поколения, выполнявшего все функции по организации таких мероприятий и обслуживанию гостей. Согласно традициям и ритуалам, параллельно с этим они обучали младших такту и терпимости. Они это делали тихо, мягко вовлекая в процесс младших, давая им, между делом, выполнимые поручения, подбадривая и похваливая их, похлопывая одобрительно по плечу. Словом, передавали «эстафету».

Принцип, согласно которому воспитывают казахи своих детей, – «Делай как я», позволяет ненавязчиво обучать практическим навыкам в совместной работе. Взрослые молча исправляли ошибки детей, тактично показывая правильное решение задачи. Старшие учили своих малышей решать любые проблемы, что называется, «без шума и пыли», то есть без скандалов и пререканий. Если возникала необходимость поговорить с детьми о нормах поведения, не всегда это делалось напрямую.

Заходя издали, рассказывая притчу или пересказывая какую-либо жизненную ситуацию, в которой приводились примеры хороших поступков, за которые, в процессе повествования, обязательно хвалили, а плохие осуждались, взрослые извлекали самое важное, как в поговорке «Тебе, дочка, говорю, а ты, невестка, слушай». Так было тогда, когда занимался этнографическими исследованиями в казахской степи Владимир фон Герн, в XIX веке. Так было в моем детстве, в XX веке, но, трудно сказать, что сейчас, в XXI-м, во всех семьях соблюдаются традиции. Меняются времена, люди покидают ареалы своего проживания, дети рано покидают родной дом, не успев закрепить в себе, в своем сознании, некую модель поведения. В результате теряются устои и правила, приобретаются новые, чуждые нам, традиции, нормы. Я только сейчас понимаю старшее поколение, всеми силами пытавшееся сохранить самобытность нашего народа для будущего.

Запомнилось на всю жизнь то, как, в один из семейных вечеров в доме бабушки и дедушки, близкие мне преподали урок родного языка. Мне было шесть лет. Взрослые разговаривали между собой на казахском, я его не знала, потому что с шести месяцев воспитывалась в яслях, а потом в детском саду. Там я слышала только русскую речь. Мне хотелось знать, о чем они говорили между собой, но понять их я не могла, начинала обижаться, требовать, чтобы при мне говорили по-русски. Папа мне спокойным тоном сказал: – Мы – НЕ – РУС – СКИЕ, мы – КА – ЗА – ХИ, и говорим на своем языке, ты его тоже должна знать. Если ты хочешь понимать нас и разговаривать с нами, то слушай и запоминай, старайся внимательно прислушиваться к тому, что мы говорим. Я тебе подскажу только три слова: «хлеб – «нан», ложка – «касык», соль – «туз», остальное – сама!

Как я научилась говорить свободно на родном языке? Я этого не заметила и сама, но моя речь стала насыщаться сложными речевыми оборотами, пословицами и поговорками. Потом мне даже понравилось удивлять своих родных красивыми и сложными фразами. Вот и сейчас в словах моей бабушки Кукен был спрятан глубокий смысл.

Ребенок вырастет и станет большим человеком. Большой и сильный мужчина, состарившись, превратится в старичка. От некогда большого семейства может остаться несколько человек, а то и вовсе сгинет племя. И наоборот, от одной семейной пары пойдут большой и славный род. Эта пословица может охватить многое.

Снова в моей голове – стук колес. Я горько улыбнулась своим воспоминаниям. Они напомнили мне о любимых людях и самом дорогом для меня человеке – бабушке. Только для нее я всегда оставалась маленькой девочкой, даже тогда, когда сама стала мамой.

Однажды бабушка попросила папу отвезти ее ко мне. Я тогда находилась в декретном отпуске. Аже тогда погостила у меня два месяца. Во время наших длительных чаепитий торопилась рассказать свои истории (это было самое милое время!).

Внимательно слушая ее, мне хотелось запомнить каждое слово. У нас обеих было ощущение, что это была прощальная встреча. Я старалась прогнать это понимание и страшные предчувствия. По ночам щемило сердце и хотелось плакать, как во сне, когда дедушка уводил свою любимую жену вдаль, а я не могла удержать бабушку рядом с собой.

Мой муж в очередной раз запил и не пришел домой. Бабушка волновалась за него больше меня, заставляла меня идти на его поиски. Было уже поздно. Я отказывалась, потому что не знала, где его искать. Эта деревня для меня оставалась чужой, не знала, кто где живет. Было страшно идти ночью неизвестно куда и стыдно искать загулявшего, мужа. Мне хотелось скрыть от всех свои семейные проблемы.

Но, пришла соседка София и позвала меня идти с ней ее мужа и моего. Она точно знала, где они находились. Бабушка обрадовалась. Аже боялась, что мой не дойдет до дома и пьяный замерзнет на улице. В этом случае виновата во всем перед его родней буду я. Она понимала, под каким «прессом» может оказаться ее любимая внучка.

Повязав на голову белую шаль из козьего пуха, одев свою школьную шубку, чтобы никто не узнал, я пошла за Софией.

В тот день одноклассница моего мужа родила сына. Два соседа вместе с мужем роженицы пили за здоровье малыша у них дома, но мою подругу больше всего волновало другое: – Дана, там могут быть Азима и Аниса. Ты же знаешь, что эти девки известны своим поведением. Не хотелось бы, чтобы там у них с нашими мужиками что-то произошло.

Подходя к этому дому, мы увидели Рафаэля, мужа Софии. Он был один и заводил молоковоз, на котором тогда работал. Моего мужа рядом не было. Чтобы разыграть своего мужа, подруга толкнула меня вперед. Подойдя к двери с пассажирской стороны, я растерянно помахала Рафаэлю рукой. Увидев в темноте девушку в белом платочке, он слащаво улыбнулся.

В ожидании романтического вечера сосед радостно открыл дверь кабины. В этот момент я провела «рокировку», выставив перед ним его супругу, а сама спряталась. Со смехом я слушала Софию, которая с ходу начала отчитывать супруга «на чем свет стоит». Растерянный мужчина бубнил только одно:

– А где девушка в белом платочке? Только что была здесь...

Выловив одного, вместе с Софией пошли искать второго, надеясь поймать его тепленьким в объятиях женщин. Мы представляли себе самые смелые картинки...

Все оказалось гораздо прозаичнее, Лука пил самогон с новоявленным отцом. Девушек рядом с ними не было. Немного разочарованные, мы вернули своих мужчин домой. Рафаэль всегда относился ко мне очень тепло, но любил подшучивать. По дороге домой, в присутствии моего мужа и своей жены, он стал признаваться мне в любви, наблюдая, как я смущаюсь от его слов. Хотя я прекрасно понимала, что он шутит, все же спросила:

– Раф, у тебя такая умная и красивая жена, почему ты говоришь мне эти слова? Рядом с Софией ты не должен смотреть по сторонам!

– Дана, я тебе отвечу башкирской пословицей: «У соседа курица, как гусыня, а жена, как девочка!», – весело парировал сосед.

За это получил от жены тумака. и мы поехали домой.

Бабушка встретила нас в прихожей. Довольная нашим возвращением, отправилась спать. После того сновидения, в котором дедушка уводил бабушку, я волновалась за ее здоровье и боялась потерять. К счастью, она еще была жива, и я могла видеть, обнимать свою аже.

Погостив, бабушка уехала домой, а пятого ноября, в день смерти дедушки, случился инсульт и ее парализовало. Теперь стало ясно, к чему был тот сон... Сильная любовь связывала

их целое десятилетие после смерти бабушки. Даже, наоборот, с годами это чувство еще больше тянуло их к друг другу, чтобы потом быть вместе вечно.

Взяв детей, я поехала к родителям. Проведать бабушку приехали ее дочери, мамины сестры. Потеряв память и частично рассудок, она называла дочерей именами чужих, давно покинувших этот мир людей, возмущалась их присутствием в доме.

Из всех нас она узнавала только меня. Это вызвало недовольство и ревность дочерей. С огромной любовью, влажными от бесконечной нежности глазами, она смотрела на меня и гладила руку. Незримая нить соединяла ее в этом мире только со мной. Чувствуя это, мне хотелось обнять ее крепко-крепко и не отпускать, сидеть рядом с ней, когда она спала, не выпуская ее руки. Бледная кожа бабушки стала безжизненной «лайкрой», кровеносные сосуды куда-то спрятались и не согревали кожу. Тонкие аристократические пальцы стали еще длиннее. Они обхватывали мою кисть ледяным кольцом и удерживали меня рядом. Милая моя бабушка лежала в белом платочке и улыбалась во сне. В бреду ее губы шевелились и шептали мое имя. Душа разрывалась и плакала от бессилия, молча, без слез, без всхлипываний. К сожалению, я ничем не могла помочь родному человечку, который, благодаря сильному сердцу, продолжал жить, находясь меж двух миров, путаясь и плутая между ними. Вскоре мы все разъехались по своим семьям. Все трудности по уходу за бабушкой легли на плечи моего папы, ее зятя.

У бабушки с дедушкой когда-то было восемь детей, трое из них умерли еще в глубоком детстве. Рахим умер, когда ему исполнилось 49 лет. У моей аже осталось четверо детей, но так получилось, что трое из них жили далеко от родителей. После окончания школы средняя дочь уехала учиться в Алма-Ату, а потом забрала младших, Хакима и Марьям. Все трое обучались в столичных институтах, да так и остались жить в Казахстане. Тогда он еще был частью большой, единой страны.

Бабушка сильно прихрамывала, поэтому не работала. Она занималась только домашним хозяйством. Когда-то, сразу после рождения младшей дочери, забыв об осторожности, она вскочила и побежала за водой, принесла полное ведро. Неокрепший тазобедренный сустав, под тяжестью, не удержал в лунке головку бедренной кости, и она сместилась. Хирургов рядом не было, вправить никто не смог. Бабушка стала хромать.

Моя мама была самой старшей из детей. Зарплаты отца на обучение детей не хватало, и она не могла стоять в стороне. В западной педагогике есть такое определение «обродителенный» («наделенный родительскими функциями»). Моя мама была именно такой дочерью.

В аристократических семьях западных стран придерживались закона майората. Старшие дети не только наследовали имущество, но и на них ложилась семейная ответственность. Не зная об этом законе, который к ней никакого отношения не имел, будучи старшей дочерью, мама взяла на себя огромные обязательства. Она считала, что должна помочь отцу выучить троих детей.

В крестьянских семьях западных народов с давних времен действовал закон минората, когда наследует все младший ребенок, а родители остаются на его попечении. – С отцовского корня никогда не сходит, – говорили там.

В казахских семьях всё гораздо сложнее. Здесь действуют оба этих закона: старший за все отвечает, помогает родителям, а младшему достается забота о родителях и наследство.

Здесь наследовать было нечего. Вторую часть обязательств – заботу о родителях, мама тоже взяла на себя. Наша семья всегда жила рядом с мамиными родителями. Поэтому все самое сложное досталось не столько маме, сколько моему отцу.

Мама не могла помочь мужу, у нее уже давно не работала правая рука. Даже по дому многое делал папа. Отец был благородным человеком, он не припоминал теще то, как она его не любила когда-то, частенько ворчала. Когда с бабушкой случилось несчастье, он сказал:

– Я свою родную мать не помню, потерял ее в два года. «Мамой» называл только тещу, поэтому буду за ней ухаживать так, как если бы это была моя родная мать.

Когда выходили замуж дочери и женились сыновья, бабушке трудно было привыкнуть к новым членам семьи. Она была с ними строга и категорична. Моему отцу доставалось больше всех, он чаще других попадался ей на глаза. Однажды они с бабушкой обсуждали моего папу. Услышав от них недоброе о своем отце, я начала громко плакать и кричать: – Аже, я люблю папу и тебя! Почему ты его так не любишь? Что же мне теперь делать?!

Бабушка растерянно смотрела на меня, пятилетнюю воительницу, а потом нежно обняла и сказала:

– Прости меня, я больше никогда не буду так говорить о твоём папе. Я не подумала о тебе.

Милая моя, родная, сколько ты вложила в меня любви! Много во мне от тебя. Ты была для меня и бабушкой, и другом. Я делилась с тобой своими секретами, но сколько еще хотелось бы тебе рассказать, а еще больше слушать... Мне не хватает тебя всю мою жизнь... Моя дорогая аже, я всегда чувствую твой любящий взгляд с небес! Люблю и помню тебя всегда, мой ангел!

«Малое стало большим». Я становилась старше. Проблемы становились все масштабнее, а я очень ждала, когда «большое станет малым», только мои неприятности не убавлялись.

– Моя дорогая аже, когда же наступит предсказанное тобой счастье? Где мой счастливый остров? Надеюсь, это будет Москва? – размышляла я в душном, пахнувшем потом вагоне.

Погруженная в свои мысли, в воспоминания о прошлом, я сидела с закрытыми глазами, и не заметила, как вошедший на какой-то станции мужчина подошел совсем близко. Дохнув мне в лицо перегаром, он начал грубо трясти меня за плечо и кричать:

– Ты, чурка, вставай, с моего места! Я работаю в ФМС. Сейчас позвоню в Самару, тебя снимут с поезда и депортируют. Медленно открыв глаза, не вставая с места, спокойно, змеиным шепотом, чтобы не разбудить пассажиров, но достаточно твердо и отчетливо, я ответила ему:

– Меня дальше Оренбурга не пошлют.

– Почему? – ехидно прокричал мне в лицо скандалист.

Сурово посмотрев на него, я сказала:

– Потому что я там родилась! Сейчас я позвоню твоему руководству, лично Геннадию Андреевичу и Константину Сергеевичу. Для начала «пробью» по билету твои данные, а потом сообщу руководству ФМС, что держат у себя такого дебила, который позорит организацию. Услышав имена своих больших начальников, которых он даже в глаза, из-за своего мелкого, ничтожного положения, не видел, мужчина отшатнулся и изменился в лице. Резко протрезвев и успокоившись, он, молча, начал укладываться спать. Поднявшись на вторую полку, я попыталась заснуть. Но спать совершенно не хотелось.

Уставившись в потолок, я начала читать чьи-то дорожные заметки, нацарапанные гвоздем на потолке. Здесь были инициалы, даты, пункты назначения. Возможно, также, как и я сейчас, кто-то до меня не мог уснуть. Возможно, этот человек менял свою жизнь и его тревожное сердце бешено колотилось в груди, заглушая торопливый стук колес.

– Да-да, да-да, да-да, – утвердительно отвечал поезд на любой мой вопрос, который я задавала ему мысленно.

Но когда меня охватывали сомнения, колеса говорили задумчиво:

– Так-так, так-так, так-так.

В эту дальнюю дорогу я уезжала тайно, боясь, что меня остановят, не пустят. Никто, кроме детей, не сказал мне своих напутственных слов. Я сама себе пожелала:

– Белой дороги!

Так говорят многие восточные народы – и буддисты, и мусульмане, когда желают удачи человеку, начинающему свой путь, свое дело, меняющему свою жизнь. Они желают счастли-

вого и легкого пути к реализации задуманного. Это короткое и ёмкое пожелание несет в себе много смыслов.

Например, воины Чингисхана с этой фразой начинали свои походы. Они верили, что высшие силы будут вести их по Белой дороге к победе.

Мои дети почти ничего мне не говорили. Они сидели, крепко обняв меня, в чужой, арендованной нами, квартире. Мы прощались надолго. Деньги, вырученные от продажи деревенского дома, я вручила им в тот вечер со словами:

– Дети, финансы старайтесь расходовать рационально. Не знаю, как у меня будет складываться с работой и зарплатой. Возможно, сразу вам что-то присылать не получится, придется подождать.

Неуверенность и сомнения терзали меня. В голове крутились вопросы:

– Идти ли в редакцию на небольшую зарплату, куда приглашали, или искать что-то другое. Смогу ли я вообще устроиться? Не всем, кто уехал, удалось закрепиться.

Лежа на тесной полке, я уже скучала по своим кровиночкам, которые, как два испуганных воробья, прижимались ко мне вчера и не хотели от себя отпустить.

Мне вспомнились кадры из счастливого прошлого, когда мы с мужем купили китайский магнитофон и регулярно записывали голоса своих малышей. Нам хотелось на магнитной ленте запечатлеть их сладкий лепет. Теперь в моей голове словно прокручивались эти записи. Лаура лопотала перед микрофоном:

– Снегурка в белой шубке приходит к нам всегда, мы с ней поем и пляшем ДА-ДА-ДА.

Сын, с пластмассовой игрушечной гитарой в руке, начинает петь хит Расторгуева, сильно ударяя по струнам:

– А, ну, давай наяривай, гитара семиструнная, чего сидеть да горевать, Николай!

Лаура звонко смеялась над двухлетним братом, который переврал, досочинил песню и тут же начала рассказывать в микрофон:

– Муха – муха – цокотуха, заполоченное брюхо, муха по полю пошла, муха денежку нашла...

На домашний концерт успел муж, пришедший с работы:

– Всем привет, мои дорогие!

Он обнимал нас всех, целовал. Дети висли на папе. Идиллия!

Мы любили всей семьей играть в прятки. Я с сыном в одной команде, дочь всегда выбирала в напарники отца. Тимур был спокойным мальчиком. Когда я его прятала, он тихонечко ждал, пока его найдут. Но темперамент дочери не позволял ей долго находиться в укрытии, и она то и дело выскакивала из ниши и выдавала себя.

Однажды малыши долго искали папу и не могли найти. Когда они прибежали за мной на кухню, я готовила ужин. Мы дружной стайкой вернулись в комнату. Ноги потерянного отца благополучно стояли за ковром, который висел на стене. Дети носились по комнате и не замечали ни его голых ног, ни бугра за ковром. Меня это очень рассмешило. Нам предстояло жить счастливо, но...

Деревня – это такой социум, в котором нужно прятать от всех свое счастье. В этом огромном аквариуме, где жизнь каждого была словно за хрупким стеклом, водились такие «пираньи», от которых я не умела защитить ни себя, ни свой маленький мир. Все односельчане видели наши отношения. Муж не стеснялся показывать свою любовь ко мне, я светила рядом с ним.

Некоторые женщины, никогда не испытывавшие столь бурного проявления чувств со стороны своих мужей, завидовали и ненавидели. Лишь счастливым некогда было обращать внимание на нас. У них было все хорошо. Чтобы злиться на кого-то, не было ни желания, ни времени.

Работа над собой и профессия бортпроводницы накладывают свой отпечаток на походку, манеры. Муж любовался мною издали и гордился. Он никогда не ревновал.

В школе тоже было все хорошо. Складывалась карьера. Я стала заместителем директора по воспитательной работе.

Прожив всего лишь год в двухкомнатной квартире, мы получили от правления села лучший дом. Он был большой, с электрическим отоплением, ванной и канализацией, с большой, застекленной верандой. Благодаря моим родителям, он стал «полной чашей». В магазинах ничего не было, и многие, даже немолодые семьи не имели половину того, что было у нас. Таких как тетя моего мужа, раздражало, и они не могли справиться с собой. Я, наивная дурочка, не знала и не замечала, что происходило вокруг меня.

Тетю звали Тамара, это была жена родного дяди моего мужа. Она была русской. В этом селе родилась и выросла. У нее было две дочери. Ее не очень любили в семье Сухановых за сложный, скандальный характер и слишком длинный язык, но терпели ради дяди. Тамара во мне видела конкурента и ненавидела за хорошее отношение ко мне своей свекрови, бабушки Шахерезады. Та полюбила меня за характер и возможность говорить со мной не на ломанном русском, а на родном языке.

Когда родились дети, бабушка Шахерезада приходила ко мне, чтобы помочь с пеленками, ползунками, которые накапливались с невероятной скоростью (О памперсах тогда мы еще не знали!). Она приносила наши любимые пирожки с толченой картошкой, которые были необычайно вкусными.

Тамара жила через дом от нас. Она со злостью наблюдала за нашим домом и своей свекровью. Так у меня появился враг, который мечтал разрушить мои отношения с мужем и с его родней главным своим оружием – сплетнями. Благодаря ей, я стала чаще слышать от родственников, что высокомерна, заносчива. Тщательно контролируя свои поступки, слова, которые порой перевирались ею и доходили до меня в искаженном виде, я ощущала себя так, словно иду по минному полю. Все время ждала, где и когда «рванёт». Тамара обладала склочным характером, не было человека в селе, который бы о ней отозвался по-доброму. У многих она «попила кровь».

Иногда у нас с ней случалось перемирие. Тогда мы жаловались друг другу на Сухановых, она рассказала мне о своих обидах на родственников. Мне запомнилась одна, пожалуй, самая большая рана на ее сердце, обида на дядю своего мужа. Смагул-ага (дядя), узнав об их намерении жениться, сказал молодым так:

– Мы не хотим, чтобы вы поженились. У вас разное вероисповедание, разные обычаи. Ты, Тамара, в наших глазах всегда будешь, как белая заплатка на черных штанах.

Эту фразу она ему не простила, часто вспоминала, но «вернуть» не могла. Дядьки уже не было в живых. Она постаралась возвратить ее мне, отомстив по полной. Тамара хотела понравиться Сухановым, стать полноправным членом их семьи. Не зная, как этого добиться, она приносила им деревенские сплетни. Рассказывая их артистично, смешила родственников. В такие моменты мне становилось неловко за нее, и я уходила. Это был не протест, просто было неинтересно слушать подобный бред. Провожая меня ненавидящим взглядом, Тома думала:

– Высокомерная Дана игнорирует моё общество, я отомщу ей за это! Зарождавшаяся злость разрушала ее душу, ей трудно было справиться с этим.

Однако, нельзя сказать, что, в отличие от Тамары, все остальные были мягкими и пушистыми, в том числе и я. Первое, чем я была недовольна в семье мужа, это то, что меня не считали личностью. Свекровь решила, что может распоряжаться моими вещами, взять из моего приданого все, что ей захочется. Кое-что ей даже удалось у меня экспроприировать и подарить кому-то. Я была первой снохой-казашкой в семье. Мне следовало быть покорной и смириться со своим положением. Со мной этот номер не прошел, я начала бузить и не подчиняться. Мне было, с чем сравнивать. Я видела, как в моем селе земляки относились к своим снохам. Никто из них не обижал, не унижал девушек, пришедших в их семью. Мой бунтарский дух противился такому отношению. Чтобы «опустить с небес на землю» непокорную, в присутствии других

снох, родители мужа устроили показательное наказание: меня не посадили за общий достархан (стол) в большой комнате, а поставили на кухне, как щенку, миску с едой и оставили одну. Даже муж сидел в тот день вместе со всеми, а не со мной. Меня это очень обидело. К еде я не при- тронулась. «Отлучение» от общего достархана и «предание меня анафеме» вызвало обратную реакцию. Я демонстративно сняла с себя платок и ходила с непокрытой головой в доме стар- ших.

Сейчас я о себе думаю, что была еще той штучкой, строптивой «лошадкой», которую не так-то просто было «объездить». Муж не справлялся со своей функцией «воспитывающего и карающего органа». Бедный парень метался между двух огней. Снохи «потирали руки», раду- ясь моей опале. Это был «бальзам на их душу», особенно для Тамары. Она была старше меня на восемь лет, пришла в школу задолго до меня, после окончания Культпросветучилища, где её учили играть на аккордеоне, петь революционные песни и «нести культуру в патриотиче- ские массы». Свое предназначение она поняла очень широко и считала своей обязанностью воспитывать других: исправлять чужие недостатки, бдительно следить за моральным обликом. С этой целью она в 80-е годы пришла в образование, чтобы выполнять свою МИССИЮ и, по совместительству, работать учителем музыки и пионервожатой. В других школах на этой должности обычно работали временно молодые девушки, поступившие заочно в институт, по окончании которого переходили на должность учителя. Тома никуда не собиралась посту- пать и упорно работала в этом качестве до самых похорон пионерской организации. О таких придумали когда-то дразнилку: «Пионервожатая – сука конопатая».

Лузгая семечки в своем кабинете, сплетничая с учителями о коллегах и учениках, с уче- никами об учителях и других учениках, она, как серый кардинал, использовала полученную информацию и управляла настроением и психологическим климатом школы. Тамара считала себя особой, приближенной к администрации, так как умело подслащивала их жизнь потоком бессовестной лживой лести.

Она регулярно, «на ушко», сообщала начальству мысли «вверенного коллектива», пере- давала все разговоры, подслушанные в кулуарах школы. Тамара входила в касту «неприка- саемых» и благополучно продержалась на этом месте несколько лет. Мне все это казалось странным. Я, в своей прежней жизни, видела совершенно другую школу и другие отношения в коллективе. Той школой руководила моя мама. Позабыв о двух своих важных функциях: матери и жены, она целиком и полностью отдавалась работе. Для нее и ученики, и учителя были семьей, о которой она заботилась. Для них она создавала семейную атмосферу.

Рано утром она бежала в интернат, где жили дети из разных отделений, чтобы сказать им: «Доброе утро!», поздно вечером – пожелать: «Спокойной ночи!». В то время как мы с братом просыпались по будильнику и засыпали без нее.

Мама делала так, искренне полагая, что детям, живущим вдали от родного дома, она нужнее. Еще одним объектом маминой заботы были молодые учителя.

Меня возмущало, когда приходилось нести им блины, пирожки, сметану. Мама волно- валась за них. Хотела, чтобы девушки чувствовали себя, как дома, опекала их, как мать. Свой коллектив она взращивала, отбирала из приезжавших на практику студентов лучших, делая их ведущими педагогами сначала школы, потом – района, а, может, и области.

Тогда я обижалась на нехватку ее любви, но позже поняла и объясняла себе тем, что, работая вот так, на износ, контролируя все процессы во вверенных ей организациях, школе и интернате, она «выгорала» как психологически, так и эмоционально. Ее сил уже не хватало на нас. Не могла моя мама работать наполовину. Я стала такой же, как она...

Пропадала на работе, иногда уходила со школы домой в час ночи, ругала себя, но не могла поступать по-другому. Моя подруга в шутку говорила:

– «Генки» пальцами не раздавишь!»

Однако, в отличие от мамы, я спохватывалась, что на первом плане должны быть родные дети. Я старалась дарить им всю любовь и ласку. Вспоминая, анализируя события своей жизни, стала находить причины неурядиц и проблем в нашей семье, которые начались на шестой год нашего брака.

С одной стороны, они связаны с Тамарой, «рупором правды», источником и хранителем всей тайной информации села, с другой стороны, – с переменами в стране.

Наше поколение в перестроечные годы оказалось «между молотом и наковальней». Те, кто на тот момент был старше нас хотя бы на пять лет, уже имели какой-то статус, успели что-то сделать для себя. Мы же... успели только закончить свои ВУЗы. И... все стало меняться и рушиться.

Прежде было ясно: останешься в селе – разведешь скотину – купишь машину, или отработаешь по распределению – поедешь в город – устроишься там на работу – поживешь в общежитие – получишь квартиру. Сейчас эти схемы сгорели в синем пламени перестройки. Никто не понимал, что нужно делать.

В воздухе крутились вопросы: «Как выжить без денег, которые не выплачивают? За какое дело хвататься, чтобы не прогадать?». Самые ушлые уходили в криминал, который набирал силу, а потом организовывали свой бизнес. Смелые сразу шли в бизнес, но погибали в битве с криминалом. Те, что похитрее, уживались с ними, договаривались. Растерянные оставались на своих местах, где оказались по распределению. Неуверенные, сомневаясь в себе, в переменах к лучшему, заглушали страх алкоголем, наркотиками и умирали медленно, это называется «синдромом лягушки в кипятке».

Деревни не могли сбыть свою продукцию. Заводы и фабрики тоже останавливались, потому что теряли партнеров. Производственные связи были разрезаны новыми, появившимися после развала Союза, границами. Царил всеобщий крах, поскольку люди, затеявшие эти перемены, не обладали ни умом, ни дальновидностью, ни ощущением реальности. Страна, как «летучий голландец», потерявший управление, летела в неизвестность, и мы с тревогой ждали своей участи.

В эти жуткие годы звуки, доносившиеся из кабинета музыки, веселили нас. Когда мы постарались забыть о своем социалистическом прошлом и начали строить капитализм, из этого кабинета были слышны детские голоса, поющие под Томкин аккордеон: «По долинам и по взгорьям...», «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...», «Ленин всегда живой...». Мы с коллегами смеялись и говорили:

– Тамара, как Ленин в Разливе, готовится совершить с детьми революцию, будет идти на Кремль впереди колонны, с аккордеоном.

Однако, у Тамары не хватило времени на понимание сути происходящего. Она и не заметила, что поменялась страна, формация, изменились образование, учебники, программы.

Как обычно, в конце четверти, в учительской, мы с коллегами работали над отчетом. Для нас, с приходом нового времени, ничего не изменилось, бумаг не убавилось. Тома сидела без дела. Думая, что нам стало скучно, она решила развлечь нас новостями о своей одинокой соседке, любовником которой, по ее версии, был муж одной нашей учительницы. Мы терпеливо молчали, и с раздражением ждали, когда она закончит. Словоохотливая коллега уже переходила к следующему рассказу со словами:

– Да, что там говорить, когда у нее были такие родители...

Ее рассказ переходил в другое время, к другим людям, и теперь она уже рассказывала об интимной жизни родителей бедной женщины. Наивно полагая, что на этом она остановится, мы крупно ошиблись. Истории этой рассказчицы не иссякали и плавно переходили к бабушкам и дедушкам соседки.

Я не выдержала первой и резко сказала:

– Избавьте нас, пожалуйста, от всех этих подробностей, мы даже не знаем этих людей. Вот уже полчаса искренне удивляюсь тому, что в вашей голове хранится весь этот бред. Откуда вы это знаете о них? Рассказываете так, будто жили с этими людьми в одной семье.

– Мне моя мама рассказывала. Все это правда! У меня нет привычки врать! – раздраженно взвизгнула она, невольно оправдываясь.

– Для меня это тем более странно, потому что, в моей семье, если говорили об односельчанах, то говорили только самое лучшее: «У этого человека хорошие, умные дети»; «У этой женщины золотые руки»; «Эти люди сделали замечательный ремонт», «Какой у них прекрасный сад, огород!» и т. д. Поэтому для меня мои односельчане – самые замечательные и лучшие люди в мире! – выпалила я.

Пристыженная моими словами, Тамара вылетела из кабинета, но через несколько минут вернулась. За несколько лет жизни и работы бок о бок с таким человеком, не умея ругаться, я научилась не ставить себя в проигрышное положение. С ехидной ухмылкой, игнорируя молчанием ее словесный поток, я вызывала у нее еще большее раздражение.

Однако, у Тамары было чему поучиться: без образования, без понимания, без принципов она шла к своей цели. В любом деле важен результат. У Тамары он был: в середине 90-х годов без диплома стала социальным педагогом.

Это случилось потому, что настоящего специалиста в селе не было, а пионервожатых уже не должно было быть. По принципу: «На безрыбье – и рак рыба», ее поставили на эту должность. В итоге наша родственница стала активно заниматься тем, о чем не имела никакого представления.

Первое, что ей доверили, это распределение талонов на бесплатную школьную форму. Их она выдала детям из тех многодетных, неблагополучных семей, где родители пили и нигде не работали. В головах этих детей закреплялась установка, что можно прожить, как их родители, легко и непринужденно, нигде не работая, достаточно только периодически вызывать к себе жалость таких тетенек, как Тома.

Жизнь не стоит на месте, потом я видела этому подтверждение: молодая поросль строила уже свои семьи по образу и подобию, по шаблону, доставшемуся им от их родителей. После этих примеров начинаешь понимать, насколько все это работало в твою пользу и радуешься тому, что никто не испортил твоих детей своей жалостью.

Однажды, благодаря известному ток-шоу, на всю страну прозвучала история пятнадцатилетней девочки из этого села, родившей ребенка от двадцатилетнего парня-тракториста. Вызвала она разную реакцию у зрителей – от жалости и сочувствия до негодования и стыда. В редакцию о девочке сообщила мама молодого человека, которая сомневалась в его отцовстве и пришла прояснить вопрос. Она требовала от редакции сделать анализ ДНК малыша, хотела узнать, чей это ребенок на самом деле. Со слов женщины, в 15 лет у молодой мамочки был не один роман с сельскими парнями. Будущая свекровь, с пеной у рта, поносила девочку, та огрызалась по-взрослому. Журналист метался по студии с микрофоном между орущими и дерущимися персонажами. Молодой папаша разговаривал перед микрофоном соответственно своему диагнозу, из-за которого он не учился в обычной школе.

– Хлеба и зрелищ! – требовали зрители.

Второе было настолько грязным и ужасным, что, кроме тошноты, ничего не вызывало.

Приглашенные депутаты и юристы защищали девочку от злой тетки, заступавшейся за своего сына. Ему грозила статья Уголовного кодекса... Никто не задал ни одного вопроса матери юной героини. Почему пятнадцатилетняя девочка живет не дома, а у разных парней? Куда она смотрела? Почему эта женщина не знала, чем занимается ее несовершеннолетняя дочь?

Передача заставила меня задуматься и удивиться тому, как за двадцать с лишним лет изменилась наша страна, как поменялись люди, ценности.

В моей памяти сохранилась совершенно другая история пятнадцатилетней девочки. Моя одноклассница Таня Шмыкова в 15 лет за один день прославилась на весь Советский Союз. Она работала во время летних каникул на уборке урожая помощницей комбайнера рядом со своим отцом, Заслуженным механизатором РСФСР. Корреспондент газеты «Правда» узнал о девочке-штурвальной и приехал из Москвы в далекое уральское село. Он написал о ней статью, которая была размещена на первой полосе газеты. Благодаря этой статье, вся страна узнала о Тане, и на следующий день девочка стала героем.

Штурвальная Таня Шмыкова мешками получала письма от взрослых и детей из разных уголков необъятной Родины, он доходили просто: «Оренбургская область, совхоз „Красный Чабан“, Шмыковой Тане». Письма девочка приносила в класс и читала одноклассникам вслух. Там были теплые послания, в которых незнакомые люди хвалили девочку за труд и выражали ей свое восхищение.

Девочка Настя после этой передачи тоже стала героем. Интернет взорвался от реакции на этот сюжет (честно говоря, я не ожидала, что у телепередачи был такой высокий рейтинг). Ей высылали деньги, детские вещи, предоставили комнату в общежитие, это хорошо, но... Одна и та же земля, но уже другая страна, другое время, другие истории, другие герои. К моему горькому сожалению, «плюс» поменялся на «минус».

Тамара тоже чувствовала себя героем в селе, сделав «головокружительную карьеру» от пионервожатой до социального педагога, «поверила в себя» и решилась на смелые реформы в сфере образования.

Проходил памятный для меня педсовет, на котором выступал уже «Великий социальный педагог». Запинаясь, Тамара читала нам какую-то умную статью о воспитании. В конце своего пламенного выступления она предложила организовать при школе свою детскую комнату милиции. «Соцпедагог» излагала свои умозаключения, объясняла, почему нам необходимо поддержать ее инициативу, как важно принять меры по отношению к малолетним преступникам заблаговременно. С трибуны из ее уст мы услышали следующее:

– В нашей школе много детей из неполных семей, которых воспитывают матери-одиночки. Среди этих детей большинство – мальчики. Я предлагаю заранее их всех поставить на учет в детскую комнату милиции. По статистике все мальчики, в воспитании которых не участвуют мужчины, становятся преступниками. Пусть милиция занимается профилактикой преступлений, а мы будем ей помогать.

– Странные у Вас предложения. Детей, которые не совершили ничего плохого, мы должны поставить на учет только потому, что у них нет пап? Вы употребили слово «статистика». На какие источники вы опираетесь? Назовите цифры, факты... – попросила я.

Тамара пожала плечами.

– Факт – вещь упрямая, я люблю опираться на конкретные примеры, – продолжала я.

– В нашем селе мы знаем всех, кто чем живет, чем дышит и кто где «сидит». Пятеро парней из нашего села, в данное время, находятся в «местах, не столь отдаленных». Я не буду называть пофамильно, все их знают. Четверых воспитывали папы и мамы (замечу, в полной семье!), и только у одного мама одна. И та овдовела, когда сын уже был совершеннолетним. Те ребята, которых воспитывали матери-одиночки, работают, «легких денег» не ищут и ни на кого не рассчитывают. Вы сейчас предлагаете нам нанести психологическую травму детям, которым и так живется несладко? Если бы вы изучали педагогику и психологию, то поняли бы свою ошибку. Таким, как вы, нужно быть подальше от детей. Удивляюсь, что еще здесь работаете... – так отвечала Тамара раскисевшая мать-одиночка в моем лице.

В то время я уже одна воспитывала своих детей. Я старалась выступать спокойно, но во мне проснулась пантера, которая хотела перегрызть зубами поганую глотку, чтобы та не могла больше говорить таких гадких слов, обижавших ни в чем неповинных мальчиков.

Успокоившись, я поняла и содрогнулась, от того, насколько изменилась здесь, рядом с такими, как она. Раньше, когда оппоненты обижали меня резкими словами, я терялась, старалась тщательно подбирать корректные выражения и потому всегда проигрывала. Но сейчас у меня «выросли клыки», и я уже могла дать отпор.

Таким, как я, необходимо измениться, а для этого нужен был «катализатор». У меня была Тамара. Она стимулировала эти перемены во мне. Наши встречи не случайны!

Всевышний послал дочери Тома парня, который был бесшабашным, грубым и хамоватым молодым человеком, очень похожим на свою тещу. Не только Томе был виден наш двор, но и я могла видеть то, что происходило у нее.

Однажды я невольно услышала ее спор с зятем. Когда у него закончились приличные слова для тещи, то он закончил диалог с ней очень вежливой фразой:

– Мама, вы не правы. Пошли бы Вы на х...!

Эта гениальная фраза теткинго зятя повергла меня в культурный шок. Молодой человек назвал тещу «мамой», обратился на «вы». Какие к нему претензии? А то, что послал, так это и недалеко.

У нас есть пословица: «Сноха создана из пыли своей свекрови». Томкин зять, похоже, тоже. Смысл этой пословицы заключался в том, что дети выбирают себе в спутники жизни людей, похожих на родителей.

Многое меня удивляло в этом селе. С детства меня называли мечтательницей за то, что проводила много времени за книжками и погружалась в вымышленные миры. Да и сама по себе я как будто выпала из какой-то другой реальности. Но все же менялась, отращивала необходимые здесь панцирь, зубы, когти, становилась жестче.

Мне с первого дня хотелось бежать из этой деревни. Я уговаривала мужа переехать куда угодно, и у нас было много вариантов. Русские хотели переехать в Россию. Я, то и дело, наталкивалась на заманчивые предложения: «Меняем 13-комнатный дом в Алма-Ате на Россию», «Обменивается трехкомнатная квартира в Целинограде (Астана), Уральск, Актюбинск»... Но мой муж был непреклонен, для него лучше Беловки не было места на Земле, и мы остались там жить.

Моя подруга, увлекавшаяся искусством феншуй, после посещения Беловки сделала свой, объяснявший многое, вывод:

– Эта деревня находится в низине, как в яме. Над ней, на двух холмах, возвышаются два кладбища, которые уносят всю положительную энергетику села, оставляя отрицательную. Она накапливается внизу, в самом селе, и проявляется в поведении жителей. Чувствительным людям, как ты, здесь плохо, и они подсознательно рвутся покинуть эти места. Носителям отрицательной энергии тут комфортно, это благоприятная для них среда обитания. Ты отнюдь не случайно хочешь уехать отсюда. Ты чувствуешь этот чужой для себя фон.

Впервые мне пришлось столкнуться с этим «явлением», когда носила первенца. Тогда со мной случился страшный токсикоз. Из-за него я не могла ничего есть, мне безумно хотелось только шоколадных конфет. Был 1989 год, в магазинах ничего не было. Для обывателей этот период оказался парадоксальным: у людей были деньги, но купить на них мы ничего не могли. А в магазинах – пустые прилавки и смущенные продавцы. Помню, как я пришла в промтоварный магазин, а там на моих глазах ушлый мужчина скупал все детские шапки из овчины и складывал их в мешок. Никто не понимал, зачем ему столько. Кто-то покупал оставшиеся на полках школьные формы разных размеров. Все всё хватало прямо перед моим носом. Люди вкладывали деньги в товар, потому что деньги обесценивались с каждым часом.

Продавцы за день переписывали цифры на ценниках, добавляя к прежним нули. Тревога среди населения нарастала. Увидев никому неинтересную запыленную магнитную азбуку на нижней полке, я взяла ее и прихватила к ней какую-то коробочку с белыми пуговицами. Лишь бы что-то купить. С таким странным комплектом я пошла домой.

На следующий день, на моё счастье, в магазин поступили шоколадные конфеты. У прилавка тут же образовалась огромная очередь. Чтобы многие смогли купить, продавец решила продавать по 200 грамм каждого вида в одни руки. Я узнала об этом поздно и пришла тогда, когда очередь выросла до такого размера, что уже не помещалась внутри сельпо (так называли магазины в селе, от названия организации «Сельское потребительское общество»). Очередь, как анаконда, извиваясь, «уползала» и продолжалась за пределами магазина.

Я была на восьмом месяце беременности и выглядела, как шарик на ножках. Скромно встав в конец очереди, от вождения сглатывая слюну, мечтала о шоколадках. Женщины, стоявшие неподалеку, решили пропустить меня без очереди, и подтолкнули вперед. В «голове» очереди стояли самые скандальные старухи. Они грубо выпроводили меня обратно со словами:

– Ну и что, что беременная, мы тоже были беременными и без очереди не лезли!

Обливаясь горячими слезами, я покинула магазин и побрела восвояси, стуча пустой сумкой по коленке. У нашего дома стояла папина машина. Меня это очень удивило: – Как папа оказался у нас, за 400 км от дома?

Оказалось, папа приехал в Оренбург в командировку и заехал, сделав крюк, чтобы увидеться со мной. Увидев мое заплаканное лицо, он спросил:

– Доченька, что случилось?

Я сбивчиво начала рассказывать, как меня обидели в очереди за шоколадными конфетами, выгнали, отругали. Он растерянно улыбался. Меня расстроила его реакция, я надулась и замолчала, он поспешил объяснить причину своей реакции. Оказывается, его друг, работавший на кондитерской фабрике, предложил папе на бартер шоколадные конфеты, выданные ему вместо заработной платы. В обмен от отца он получил деревенские продукты, на том и договорились. Целый мешок сладостей мой папочка привез мне.

Маленькая девочка, которая жила во мне всегда, быстро успокоилась и начала перебирать конфеты, которые были во сто крат лучше и вкуснее тех, что остались в магазине. Несмотря на то, что они лежали в белом льняном мешке, они выглядели великолепно! Яркие обертки призывно шуршали:

– Открой меня!

М-м, а как вкусно пахло из этого мешка! Надкусывая, а обнаруживала внутри одних орешки, внутри других – карамельную сладость, в третьих – зефирную нежность. Искренне радуясь обретенному сокровищу, я с удивлением спросила у папы:

– Как ты догадался, что мне очень хотелось конфет?

В ответ папа лишь пожимал плечами. Он молча наблюдал за мной, как за маленькой.

Отказ беременной в ее желании у казахов всегда считался грехом и непозволительным поведением. Папа не понимал женщин из очереди.

Мне пришлось во всем сравнивать два села, и все «плюсы» всегда были в пользу моего «Красного Чабана». Наверное, потому что он был мне родным.

Дом моих родителей находился в центре села, у конторы, и рабочие почти каждый день собирались у нашего забора в ожидании команды от своего начальства. Через открытую форточку волей-неволей были слышны их разговоры о международном положении, об урожае, о новостях в стране, но я никогда не слышала ни одного крепкого слова в их мужских беседах.

А в Беловке меня поразил русский мат в своем великолепии. Среди жителей этой деревни были еще те мастера «русской словесности», матом грешили даже старики и дети. Здесь был фольклорный рай! Любой исследователь русского мата обрел бы здесь такие перлы для своей диссертации, что во всей России-матушке не найдешь.

Несмотря на свою работу, Тома относилась к той категории жителей, которая умела филигранно использовать многоярусные словесные формы. Выходило у нее это органично. Свое искусство она использовала в ссорах с мужем, Сухановыми и со мной.

Почему Тамара так относится ко мне? Куда все девается? Ведь, в самом начале, она даже «помогала» адаптироваться в семье, осуждала царившую в этом доме грубость, неуважение к снохам. У меня был небольшой жизненный опыт, чтобы понять, что бывает псевдодружба.

Доверчивая девочка наивно делилась своими переживаниями, историями, которые потом были использованы против меня.

Мне было 17 лет, я училась на первом курсе института и жила в студенческом общежитии. В фойе этажа почти каждый вечер собиралась молодежь. Парни приходили играть на гитаре и петь популярные тогда песни, девочки слушали и подпевали им. Это были 80-е годы! Мы знали наизусть и пели хиты своего времени, и наши, и итальянские. Одним из гитаристов был парень по имени Махмуд, который был старше меня на шесть лет. До поступления в институт парень плавал на торговых судах, побывал в разных странах. В нашем общежитии не было гитариста лучше него. Некоторые песни мы исполняли с ним дуэтом. Тогда он обратил на меня внимание, а я впервые влюбилась! Мы стали встречаться. Он очень бережно и трепетно ко мне относился. Ведь, по сравнению с ним, я была юной девочкой, восторженно смотревшей на него. Когда я, недовольная собой, сокрушалась по поводу своих недостатков, он обычно говорил:

– Ты прекрасна! Посмотри на себя моими глазами!

Я, конечно же, кокетничала, а он восторженно смотрел на меня и умилялся. На эту фразу я тогда не обратила внимания, но позже ее вспомнила, когда пыталась понять какие-то моменты в своей жизни. Как важно иногда видеть себя и ситуацию чужими глазами! Если бы люди это делали хоть иногда, мир был бы другим.

С седьмого класса я перечитала все имевшиеся в библиотеке рыцарские романы, мечтала встретить своего благородного рыцаря, которым стал теперь он, мой Махмуд. Через полгода, в день моего совершеннолетия, он сделал мне предложение, предлагал выйти за него замуж и уехать в Москву. Махмуд планировал с исторического перевестись на юридический факультет столичного ВУЗа. Вскоре, по его просьбе, прилетела из Ташкента мама, чтобы сосватать меня, а мне предстояло подготовить к их приезду своих родителей. Приехав домой с этой новостью, я сразу поняла, что мама не даст согласия на мой брак «ни под каким соусом».

Выслушав меня внимательно, родители узнали, что мы планируем пожениться и уехать в Москву. Учиться мы хотели заочно и работать. Мама резко прервала мой монолог с планами и суровым тоном спросила:

– Он – казах?

Я опешила, но ответила так:

– Нет, он наполовину – узбек, наполовину – башкир, а разве это важно?

Не меняя тона, мама продолжала:

– Ты с узбеком ноги в арыке собираешься мыть?

– Мама, что за стереотипы? А то что он, как и ты, имеет башкирскую кровь, ты не заметила? Напомню, твоя бабушка была башкиркой, – пыталась сопротивляться я.

Папа смотрел на меня с сочувствием, он понимал, что в этом споре наши с ним шансы равны нулю. Соблюдая давний уговор:

– Не спорить друг с другом при детях! – он молчал.

– Заочное образование – это не образование, мы с отцом согласия на брак тебе не дадим, – безапелляционно заявила мама за двоих.

– Запомни, ты выйдешь замуж только на пятом курсе, и только за казаха с высшим образованием из хорошей семьи, – услышала я ее вердикт.

Моя мама вновь, как обычно, сделала за меня выбор. Это случилось с моими предыдущими желаниями и случится с последующими.

После окончания школы мне хотелось поступать на режиссерский факультет. Мама решила, что обучение на этом факультете станет «пустой тратой времени», потому что «талантливых мало, а бездари потом никому не нужны».

На третьем курсе я прошла врачебно-летно-экспертную комиссию и была зачислена на лето в студенческий отряд бортпроводников «Взлёт», который, в составе оренбургского авиаотряда, работал на всех рейсах аэропорта «Центральный» нашего города. Я влюбилась в небо и в эту профессию! Моя справка-допуск разрешала мне остаться в отряде на весь год. Я захотела перейти на заочное отделение и работать кадровой бортпроводницей. Мама категорически была против этой «несерьезной» профессии и запретила мне сделать «непозволительный шаг». Ее категоричное «нет» закрыло мне путь в небо, к любимой профессии, к прекрасному поднебесному коллективу, где не было грубости, зависти, злобы, только улыбка, только добрые взгляды пассажиров и поддержка мудрых наставников на борту.

Теперь я подчинилась маминой воле в третий раз. Будучи очень послушной девочкой, я отказала себе в любви, в счастье. Сухо простившись со мной, Махмуд уехал в Москву. Его мама улетела обратно в Ташкент, так и не познакомившись со мной. А я три года безутешно плакала в подушку, ругая себя за бесхребетность и тоскуя о любимом. Были парни, которые добивались моего внимания, но никто из них не смог меня заставить забыть эту большую, светлую и чистую любовь.

Во время последних летних студенческих каникул в своем родном селе я познакомилась с инженером-практикантом. Он был казах, с высшим образованием, из хорошей семьи, и за него на пятом курсе я вышла замуж.

Я выполнила мамину установку «от и до», но большой любви к избраннику не было. Институт я закончила раньше мужа на месяц, и золовка пригласила меня в Москву. Там жил старший брат мужа. Он учился в Высшей военной академии. Ее билеты были куплены за месяц, а мне пришлось всю ночь «биться» в очереди, у окошка «отказ брони». В драке за билет мне порвали модное платье из индийской марлевки. Не рассчитали индусы, что оно окажется в такой переделке. Прицепив булавкой оторванный клоч, я села в самолет и под утро приземлилась в аэропорту «Домодедово».

Там была страшная суeta. После маленького провинциального городка толпа снующих, спешащих пассажиров превратилась для меня, не спавшей всю ночь, в пестрое, хаотично передвигающееся, гигантское пятно. Я остановилась у входа...

В этой цветной массе меня «зацепила» и «приковала» к себе пара черных глаз, смотревших на меня из другого конца зала. Мощный волшебный магнит среди тысячи людей соединил нас двоих, и мы завороченно, с удивлением, смотрели друг на друга, как на мираж, сомневаясь в реальности происходящего. Первым пришел в себя Махмуд и подбежал ко мне:

– Солнышко, ты откуда? С неба свалилась?

От внезапно охватившего волнения пересохло горло. С трудом выходя из оцепенения, я тихо ответила:

– Можно и так сказать. Я только что прилетела. – Как ты? Я вспоминал тебя всегда, думал никогда больше не увижу. Господи, какое счастье встретить тебя вновь! Давай полетим сейчас к моей маме. Мы можем все исправить. Я понял, что очень люблю тебя и не могу снова потерять, – торопливо говорил мне он.

Слезы, вопреки законам физики, не покатались вниз, а застыли в глазах. Продолжая молчать, я смотрела на него сквозь пелену и думала о нем, о нас с мужем, о родителях. За секунды своих раздумий я перебирала варианты рокировок и партий своей судьбы, но получался из всего этого только «Армагеддон».

Судьба послала мне жестокое испытание, поставив перед сложным выбором: между любовью и обязательствами, между сердцем и разумом, между прошлым и настоящим. Слабое женское сердце выбирало Махмуда, суровая совесть не позволяла жестоко поступить с мужем,

который любил и доверял мне. Разум твердил, что родителям из-за меня придется пережить страшный позор, который подорвет их здоровье...

В прочитанных мною романах отношения между мужчиной и женщиной представляются сложными, жертвенными и мучительными. Влюбленные терзают себя, идут на муки и ухищрения, страдают. Некоторые недолго наслаждаются счастьем, а потом и вовсе умирают... После нашего расставания я так и считала, что могу умереть без него, сходила с ума, не спала ночами, рыдала.

Я устала страдать и повзрослела. Мои мысли холодно раскладывались по полочкам. Махмуд держал меня за руки и смотрел в глаза. Он пытался понять: люблю ли его я, как прежде, какое решение принимаю в этот момент, откажу вновь или поеду с ним. Во время этих раздумий он нащупал обручальное кольцо на моем безымянном пальце.

Увидев в его глазах удивление, я испуганно освободила руки и сказала:

– Махмуд, я всегда тебя любила и ждала, но месяц назад вышла замуж, а теперь не могу предать мужа, прости!

Совесть и разум победили любовь и сердце. В результате этой борьбы внутри меня стало пусто и холодно. Из-за хлынувших слез, которые уже теперь было не удержать, я не видела ни его глаз, ни лица, лишь только то, как он понуро опустил голову. Не поднимая головы, Махмуд тихо спросил:

– А ты думаешь, что эта встреча случайна? Может быть, кто-то там, наверху, хочет, чтобы мы исправили ошибку, были вместе и обрели свое счастье?

Мне показалось, что он тоже плачет.

Больших душевных мук стоило мне принятие этого решения, от которого сердце рвалось на куски. Уходила я от Махмуда, не оглядываясь, не видя перед собой пути. Туманная пелена моих слез поглощала всё: аэропорт, людей и мою самую большую любовь.

Однажды, после одной из ссор с мужем, я рассказала Тамаре о своей первой любви, об этой нечаянной встрече, о том, что принесла в жертву, оставшись с тем, кто меня не оценил. Конечно, потом я пожалела о сказанном...

В самой неприглядной форме родственница мужа искажила эту историю, сдобрив ее своими грязными домыслами.

Будто по старинной русской традиции, она «мазала» густым черным дегтем ворота «порочной» женщины, выставив меня такой перед всей деревней.

Снова стук колес, до боли родной с детства и юности. Он откликался в моем сердце взволнованным сердцебиением. Школьниками мы много путешествовали по Советскому Союзу. В институте нам была предоставлена возможность посетить Азию. На четвертом курсе я поехала на практику по маршруту: «Оренбург – Алма-Ата – Фрунзе – Пржевальск». Перед поездкой по этому маршруту к нам пришел человек из КГБ, который инструктировал нас перед дальним путешествием. Мы жили в области, которая в советское время была стратегически важным регионом. Там находились оборонные предприятия, ракетные точки, поэтому нас нужно было научить «держат рот на замке».

И Алма-Ата, и Фрунзе были городами-столицами, куда приезжали иностранцы. К встрече с ними нас готовили «ответственные работники». Выслушав вполуха одетого в строгий костюм дяденьку, «приняв к сведению» все, что он сказал, мы побежали собирать чемоданы.

КГБист знал, что встречи с иностранцами возможны. Одна такая встреча состоялась в Алма-Ате. Я хотела съездить к родственникам, в пригородный поселок под названием ГРЭС. Автовокзал находился недалеко от ЦУМа, а я не могла пройти мимо него и зашла побродить. Глазея на прилавки, я не заметила идущего мне навстречу человека и воткнулась ему в живот. Это было странно, в нашем степном краю таких высоких людей было очень мало. Даже я, со своим ростом метр семьдесят, считалась высокой. Когда я подняла голову, на меня смотрел симпатичный смуглый парень с ослепительной белозубой улыбкой.

– Сейчас начнет вербовать, – мелькнула догадка, подсказанная КГБшником.

Я сорвалась с места и пошла ускоренным шагом, прочь от него. Он шел, не спеша, рядом со мной и улыбался. Я прибавила шаг, чтобы от него оторваться, но не получалось. Я уже почти выбежала из ЦУМа и помчалась к переговорному пункту напротив и села на лавку. Он присел рядом и продолжал улыбаться.

– Что вам от меня нужно? – спросила я.

– Вы мне понравились, и я хочу познакомиться. Как Вас зовут? – спросил он.

– Дана. А Вас? – ответила я вопросом на вопрос.

– Меня зовут Карлос Перес Эррера, – ответил он.

– Перес это отчество? – поинтересовалась я.

– Нет, у нас две фамилии. Перес – фамилия отца, Эррера – фамилия матери, – ответил он мне.

– Откуда ты и что делаешь в Алма-Ате? – спросила я.

– Я приехал из кубинского города Санта-Клара, учусь здесь в политехническом институте, хочу стать гидрогеологом. А ты? – спросил Карлос.

– Кубинцы – наши друзья, – подумала я и рассказала ему, что учусь в Оренбурге, а сейчас приехала на практику.

Мы с Карлосом стали друзьями. Позже он писал мне в Оренбург об Алма-Ате, о своей студенческой жизни и планах на будущее.

Многое в моей жизни, удивительным образом, пересекалось с историей моей семьи. В Алма-Ате (тогда этот город назывался Верным) училась моя бабушка Кукен. Город Пржевальск назван в честь знакомого моего прадеда, Николая Михайловича Пржевальского.

Я стояла у его могилы и думала о том, что этот ученый когда-то проходил с экспедицией по нашим степям и познакомился с моим прапрадедом Беркимбаем Бутбаевым, зажиточным баем. Узнав, что по его землям проходит с экспедицией известный исследователь, прапрадед пригласил Пржевальского и его спутников в свой дом и потчевал их у себя. В то время великий русский путешественник, географ и исследователь Центральной Азии Николай Пржевальский ехал в Ташкент через Оренбург. До нынешней Кызылорды в течение 22 дней посреди зимы вызвался сопровождать экспедицию сын Беркимбая, мой прадед – Дербисалы Беркимбаев, он был тогда еще юнцом. В своем письме генерал-губернатору Оренбурга Н. Крыжановскому Пржевальский хвалил молодого казахского парня. За эти и другие заслуги ему вскоре вручили орден Станислава III степени.

Вскоре он стал руководить нынешней восточной частью Оренбургской области, Орским уездом (в то время все эти земли были тургайскими!). В своем двухэтажном доме ему довелось принимать молодого цесаревича Николая II, который отправился изучать территории империи. Сотни метров до самого имения, где стояли два больших двухэтажных дома бая Дербисалы, цесаревич ехал по голой и кажущейся безлюдной степи. Ехал он по персидским коврам, которые расстелили будущему царю, чтобы показать, как живут казахи. Николай II был удивлен такой встрече, он подружился с молодым казахским баем и частенько приглашал его к себе, когда стал царем. В знак этой дружбы и уважения Дербисалы получил в подарок от Николая II его перстень. Согласно казахской пословице, которая звучит как «малое становится большим», – возмужал и вырос в глазах народа молодой бай. К 60-ти годам у него был внушительный список орденов, медалей, ценных подарков и благодарностей, а в 1876 году ему было присвоено звание «Почетного дворянина Российской империи». Не стало деда Дербисалы незадолго до революции, после которой наступил для его потомков период, к которому подошла вторая часть пословицы. А именно: «Большое стало малым». Ушли «по этапу», в Сибирь, и сгинули по дороге его сыновья Барлык и Лайык, погибли его внуки. В один миг революция, грохотавшая в далеком Петербурге, лишила эту семью крова и огромного состояния в виде 1500 породистых лошадей, несметного поголовья овец и коров. Его мавзолеей,

покрытый сусальным золотом изнутри и расписанный сюжетами из казахских былин, был снесен с лица земли. Так, чтобы ничто не напоминало новым людям, пришедшим к власти, об этом человеке. Табун элитных лошадей, которых он с любовью разводил, стал обычным советским конезаводом. От большой, богатой и счастливой семьи остались две девочки, которые не могли быть продолжателями славного рода, и на них он оборвался.

Моя бабушка никогда не рассказывала нам о своей семье. О ней я знаю с того момента, когда они с сестрой в голодные годы оказались в Алма-Ате. Ее, грамотную девочку, взяли на курсы женсовета, где было общежитие и платили стипендию, на которую она могла кормить сестренку Райсу.

Будучи одной из лучших студенток, она вернулась в Оренбург, где на рабфаке получила профессию счетовода-бухгалтера. До этого Куken сестренку не бросала, но в Оренбурге с соседками по общежитию ей повезло меньше. Девушки возмущались тем, что Райса жила с ними в одной комнате и считали ее «лишним ртом».

Старшая сестра была вынуждена отдать младшую на какое-то время в детский дом. На рабфаке она прилежно училась, была активной студенткой. В составе лучших студентов ее делегировали в Москву, где она встречалась с М. И. Калининым. После окончания учебы студенты поехали по распределению в села области. Так моя бабушка оказалась в том же селе, куда был направлен другой счетовод и тоже рабфаковец. Им был мой дедушка.

Куken поселили в семью Батыргалиевых. Они приняли ее, как родную дочь. У казахов в то время не принято было открыто ухаживать за девушкой. Только знаками, или во время коротких случайных встреч, парень мог признаться в своих чувствах. Таких ухажеров было двое: один – кудрявый красавец, второй парень всегда ходил в лисьей шапке или тибетейке.

Местные девушки подружились с девушкой-счетоводом. Заметив взгляды «женихов», одна из них шепнула Куken, чтобы та выбрала умного и красивого Нурахмета, но моя бабушка только улыбнулась в ответ.

Уже давно, еще на рабфаке, она заметила этого красавца, да и он тогда еще поглядывал на нее. Через некоторое время Нурахмет прислал сватов. Молодые поженились, эту любовь им удалось пронести через всю жизнь.

Выйдя замуж, Куken с мужем пытались найти Райсу, но тщетно – детский дом не выдал им никакой информации о ней. Пережив это горе, она находила утешение в своей семье.

До последних своих дней дедушка писал стихи о своей любимой жене, а она посвящала свои песни детям и внукам. Рядом с ними было тепло всем.

Я еще девочкой, наблюдая за ними, мечтала встретить такого же мужчину, как дед, и стать такой же бабушкой, как моя аже Куken.

Сейчас это смешно вспоминать: нормальные девочки мечтают стать принцессами, некоторые – сразу королевами, а я хотела быть счастливой старушкой. Наверное, не было в природе другой такой же, мягко говоря, странной девочки. Скрывая от всех и даже от близких людей свое знатное происхождение, Куken не могла быть незаметной в толпе. Осанка, манера говорить, стиль речи выдавали ее с «потрохами».

Жизнь свела ее навсегда с одной девушкой, с которой они дружили всю жизнь. У той было очень редкое имя – Дора. Черноволосая статная красавица была женой директора совхоза Пронского Максима Михайловича, а мой дедушка работал секретарем партийной организации. Две подружки работали вместе в магазине, Дора Ивановна была директором, а бабушка продавцом.

Спустя годы эта дружба передавалась следующим поколениям, и теперь мы с Пронскими считаем друг друга не просто друзьями, а родными людьми. Дора Ивановна была немкой, а Максим Михайлович имел польские корни. С бабы Доры и ее сестры Эрны началась моя любовь и глубокое уважение к немцам, к немецкому языку и культуре. Моя бабушка Куken и бабушка Дора тянулись друг к другу.

То, что роднило эти две души, стало понятным только по прошествии многих лет, когда уже не стало двух подруг. Незадолго до своей смерти баба Дора спросила у меня:

– Кто по происхождению Кукен?

Я рассказала ей о своем предке Дербысалы, Почетном дворянине Российской Империи, о том, что пришлось пережить ее семье. Внимательно выслушав эту историю, Дора Ивановна пошла заниматься своими делами. Я поняла, что она тоже что-то скрывает, и у нее есть своя непростая история. Тогда Дора Ивановна так и не решилась мне рассказать о своей семье. Об этом я узнала позже, от ее внучки Натальи.

Отец Доры был из прибалтийских немцев, звали его барон Иоганн фон Циглер, мать – польская княжна Франческа Корбут-Воронецкая, а настоящее имя моей бабы Доры было Теодора Иоганновна Циглер. Самое грустное, что баба Дора и сама в молодости ничего не знала о своих корнях. Ее матери удалось после ареста мужа в 1930-е годы изменить свое имя и фамилию. Елене Воронежской легче потеряться с пятью детьми, уйти от «всевидящего ока» сначала НКВД, а потом КГБ. Уже когда бабе Лене было 90 лет, дочери нашли документы семьи. Они задали вопрос: помнит ли она, что является польской княжной Франческой. Баба Лена посмотрела испуганно и отрицательно замотала головой. Господи, сколько же пришлось пережить несчастной женщине, если даже перед смертью своим родным дочерям она боялась сказать правду!

В одном маленьком уральском селе судьбой было определено встретиться двум моим дворянкам, принцессам. Там они доили коров, растили телят, овец, кур, гусей, сажали огород. Две милые аристократические особы пекли очень даже пролетарские пирожки со щавелем, пасленом, капустой.

В годы Великой Отечественной войны мой дедушка Нурахмет руководил районом. Как инвалид детства он не был годен к воинской службе, но добросовестно трудился в тылу. Нурахмет был очень грамотным человеком, имел организаторские способности, за это ему и доверили столь высокий пост. Будучи человеком предельно честным, он отправил отчет по заготовке кормов на зиму с реальными показателями, у других они были выше.

Да и как они могли быть больше, если район был территорией рискованного земледелия, полупустыня не могла родить столько же зерна, сколько черноземная почва?! Дедушку вызвали на бюро обкома.

– Нурахмет Култаевич, Вы заготовили кормов меньше всех, это – преступление! В условиях военного времени вы подрываете боеспособность армии, так поступают только враги народа! Мы призовем вас к ответу за это! – кричал первый секретарь обкома партии.

Когда он выговорился и сел на свое место, поднялся руководитель одного из передовых районов области Гаязов Насибулла и сказал:

– Легче всего сейчас заклеить человека и расстрелять, но кто тогда возглавит этот район? У нас мало грамотных кадров осталось в селе, все ушли на фронт. Я предлагаю, Нурахмета Култаевича оставить пока на своем месте. Пусть «выведет» поголовье из зимы без потерь. Весной, по результатам, мы и спросим с него!

Члены обкома и руководители других районов поддержали коллегу и дали моему дедушке шанс на жизнь. Когда он приехал из Оренбурга, они с бабушкой поняли, если бы в области узнали о дворянском происхождении его жены, этого шанса у него бы не было. За ту зиму они впервые узнали, что значит – каждый день проживать как последний. Дедушка на санях лично объезжал каждое хозяйство, следил за расходом кормов, состоянием животных.

Однажды Нурахмет задержался в дальних селах и за полночь возвращался домой. Он решил сократить путь, развернув сани на ледяную гладь реки Орь. Был уже конец марта, морозы ослабили свою силу. Лед под санями затрещал. Нурахмет поторопил лошадь плетью,

она рванулась к другому берегу, раздался треск. Под полозьями саней появилась паутина трещин, которая стала расти и разрываться, сани провалились и утянули за собой лошадь.

Из полыни дедушка выбрался один. Промокший до нитки, он дошел до ближайшего села и лишь под утро приехал домой. Чудом мой в течение одной зимы дедушка ушел от смерти второй раз. Бабушка не уставала благодарить Всевышнего за спасение мужа. В те годы его другу Сергали не удалось избежать ареста, возможно, даже смерти..

В НКВД поступил донос, в котором кто-то писал, что Сергали вел «антисоветские разговоры»... После работы пятеро близких друзей задержались в одном из кабинетов райкома. Они обсуждали международное положение, рассказывали байки, анекдоты. Допив холодного чаю, мужчины разошлись по домам.

Утром Нурахмету сообщили, что среди ночи «черный воронок» приехал и забрал Сергали Бермухамедова, тот сам был чекистом. На руках его жены Марьям остались дочь Нуржамал, сын Атымтай, младшие братья мужа Магзум, Сапаргали и престарелый дядя Бейсембай, у который жил в семье племянника. У него других родственников не было.

Марьям была умной женщиной. Она сразу сообразила, что могут быть преследования и в ее отношении, как как работала редактором районной газеты. И тогда дети и немощный старик останутся одни. Что станет с ними?

В эту же ночь она снарядила сани и увезла родных за 400 километров, в Костанай, там жили родственники. Потом Марьям с семьей поехали в Алма-Ату. Для всех в районе стало загадкой, куда за ночь подевалась семья Бермухамедова. Никто не знал, что произошло с ними. У Нурахмета в голове крутилось сразу несколько вопросов:

– Что с семьей Сергали? Куда уехала Марьям? Кто на него донес? За чаем никого из чужих не было, все свои, и крамольного никто не говорил. Кого теперь опасаться?

В ту ночь в доме Бермухамедовых бушевали страсти. Сердце Марьям разрывалось от горя, когда чекисты увозили Сергали. Но что могла сделать женщина? Старый беспомощный Бейсембай рыдал в голос, но тоже ничего не мог изменить. Суровые чекисты, коллеги Сергали, сказали, что арестовывают «врага народа».

– Ну, какой же он враг? – спрашивала она у коллег мужа. Они не ответили ей, просто выполняли свое дело.

– Шутник, балагур, разве он мог замыслить что-то недоброе? Он был открытым человеком, жена знала все его мысли, не было в них злого умысла. Кто-то донес на него, наговорил. Зачем? За что? Кому он перешел дорогу? Кто захотел разорить их уютное гнездышко чужими руками? – крутилось в голове.

Эта сильная женщина не находила на них ответа. «Опускать руки – нельзя! Нужно уезжать немедленно!», – скомандовала она себе и пошла готовить сани. Вернув себе девичью фамилию Хакимжанова, она начала новую жизнь. Ради детей, ради близких своего мужа, для которых она стала главой семьи. Добравшись до Алма-Аты, Марьям сначала стала научным сотрудником Института языкознания и литературы, потом редактором газеты. Там проявился ее талант поэтессы. В годы Великой Отечественной войны стихи Марьям Хакимжановой публиковались на страницах фронтовых и республиканских газет, журналов. Именно благодаря стихам, мои дедушка и бабушка нашли ее через много лет. Прочитав проникновенные стихи о женской судьбе и ее фамилию под ними в одном журнале, они обрадовались, что она жива, что живы дети. Словно для них, со страниц журнала «Женщины Казахстана», подруга рассказывала о своей любви, о своей доле, о своей боли:

Я в этот день ловлю себя на том,
Что жду опять с утра кого-то в дом.
Дверь отворю и погляжу с порога,
Нет никого – безжизненна дорога.
И жизнь опять проходит предо мной,

Жизнь без тебя, мой милый, мой родной,
Я в смерть твою поверить не сумела,
Хоть и в иное верилось несмело —
Я бережно, как ночью вдоль села
Любви лучину чистую несла.
Я без тебя жила на белом свете,
Но не были в сиротстве наши дети.
(Марьям Хакимжанова)

Дедушка написал письмо в редакцию этого журнала на имя Марьям. Вскоре пришел ответ от нее самой. В нашей семье радости не было предела. Многое учит нас. Эти страшные времена научили народ скрывать свое прошлое, научили становиться одинаковыми, серыми, неприметными... Словом, «винтиками».

Потомкам Дербысалы можно было бы гордиться прошлым дедов, но никак не стесняться его. У Кукен-аже вылетали иногда замечания в мой адрес:

– Не ставь руки в бок, мы так не делаем! Громко не разговаривай, люди нашего сословия говорят тихо. Повышать тон – это неприлично и не принято в нашем обществе! Нельзя быть любопытной и пристально разглядывать людей, это плохая привычка.

Письма своим детям и мне она писала на латинице. Это удивляло моих однокурсниц. У некоторых бабушки не только не знали этот алфавит, но и вовсе были неграмотными. На ее замечания я спрашивала:

– Что значит «наше сословие»? Какое у нас сословие?

Бабушка переводила разговор на другую тему.

Бормотание и крики пьяного соседа по полке вернули меня в реальность. На одной из станций, уже за Самарой, крупного мужчину лет тридцати занесли и положили на полку провожавшие его друзья. Проводы дались на славу. Из обрывков его фраз, сказанных во сне, стало понятно, что он отдыхал в мужской компании. Кто-то погорячился, дело закончилось дракой в тот момент, когда он пинал невидимого противника. Он упал сначала на девушку, мирно спавшую на нижней полке, потом на пол.

Поднявшись с пола, качаясь, мужчина ушел в туалет. Вагон спал, вчерашний ФМСник тоже. Перепуганная насмерть девушка смотрела на меня. Она попросила посидеть с ней, пока сосед не ляжет спать. Я спустилась, чтобы успокоить ее. Представившись, спросила, как ее зовут и откуда она родом. Оказалось, что она оренбурженка, но сейчас студентка одного московского ВУЗа. Звали ее Аленой. Родители несколько лет работают в Москве. Год назад она забрали ее с собой.

Я рассказала, что 20 лет работала учителем, имею еще журналистское образование, владею немецким, а теперь еду на заработки в столицу. Я искренне делилась с незнакомой девочкой своими страхами. Например, что боюсь в 40 лет начинать жизнь с нуля. Хотя есть, на всякий случай, запасной вариант: работать журналистом в маленькой газете.

Рассказала ей о своей неуверенности в будущем: оставшись без квартиры, не знаю, смогу ли я заработать на покупку жилья. Моя уверенность была лишь в том, что в школу идти мне пока не хотелось! Я в первый раз делилась с незнакомым человеком тем, что меня больше всего тогда волновало.

Алена решила меня поддержать:

– Самое главное – не опускать руки! Будет трудно. Мы многим землякам помогали закрепиться в Москве, но не у всех это получается. Здесь характер нужен! Я слышала Ваш разговор с соседом, думаю, у вас он есть. У вас все получится!

– Спасибо, Алена! У тебя интересная внешность, вижу, есть черты разных национальностей, даже не пойму, кто ты..., – полюбопытствовала я.

Девушка засмеялась:

– Да, у нас так все смешалось: бабушка – цыганка, мама – татарка, папа и дедушка – русские.

Теперь уже улыбнулась я:

– Вот поэтому, ты – самая русская из всех! Получилось очень красиво! Забавно, женихов, наверное, куча?

Она, смущаясь, рассказывала мне:

– Ой, даже некогда о них подумать. Я же еще и подрабатываю, утром учусь, вечером работаю. Откуда женихи появятся при таком графике? Вот, у меня одноклассница тоже в Москве учится, уже нашла себе «папика», который ей квартиру снял, обещает даже ее купить. Подарки, рестораны, Мальдивы.

– Ты же понимаешь, что все это временно, не стоит ей завидовать. Сосед, вроде бы, лег спать, ложимся и мы. Спокойной ночи! – сказав это, я поднялась к себе.

– И Вам спокойной ночи, тетя Дана! – пожелала мне девушка. Я лежала, отвернувшись от реального мира, вновь уходя в мир воспоминаний. Эта черноглазая девочка напомнила мою дочь, по которой я безумно скучала. В детстве Лаура была озорной девочкой, она внимательно слушала, о чем говорили старшие, многое старалась понять. Это не было праздным любопытством, в ее маленькой голове рождались интересные выводы. Мне вспомнился один из таких случаев, который мы с отцом вспоминали позже со смехом. К бабушке Лиде, живущей по соседству, приехала внучка Оля, которая подружилась с Лаурой. Обеим девочкам было по пять лет, они играли на куче песка у соседского забора. Рядом стояла скамейка, на которой сидели Олина бабушка, ее соседка Шура и дед Сеня. Они обсуждали соседку, жившую напротив них, неугомонную Севостьяниху. Так называли в селе шестидесятилетнюю женщину по фамилии Севостьянова, которая каждый год после смерти мужа выходила замуж. На нашей памяти это был, наверное, уже шестой ее избранник. Моя дочь из разговора бабушек уловила «ценную информацию», решила поделиться со мной и прибежала, запыхавшаяся, домой. Я в это время гладила белье в комнате.

– Мама, Севостьяниха вышла замуж! – с порога кричала дочь.

– Это она тебе сказала? – спросила я.

– Нет, баба Лида и баба Шура говорили... – растерянно проговорила моя дочь.

– Сплетничать – нехорошо. Запомни, никогда не слушай разговоры взрослых и не повторяй, пожалуйста, то, что слышишь. Это некрасиво! – заметила я.

– Я просто хотела у тебя спросить. Что, она теперь старого ребенка родит? – пытливо заглядывало в глаза, ожидая ответа, мое маленькое солнце.

Мне трудно было сдерживать смех, но я еле выдавила из себя:

– По-че-му?

Мой ребенок начал логически излагать свои мысли:

– Она выходит замуж. У всех, кто вышел замуж, рождаются дети, а так как она старая, то ребенок должен получиться старым.

Хватаясь за живот от смеха, я отвечала:

– Солнышко, у старых женщин, даже если они выходят замуж, дети уже не рождаются.

Наконец наступило утро, проснулись пассажиры. Я все еще лежала на своей полке. Сосед с нижней полки, который вчера ругался со мной, пошел в туалет и вернулся. Не находя себе места, он опять ушел в тамбур вагона. Через некоторое время, вероятно, покурив, вернулся. Лицо у него было озабоченное, обеспокоенное. Лежа на спине, боковым зрением я наблюдала за его метаниями.

Подойдя к своей полке, он не сел, а посмотрел на меня. Мужчина молчал. О чем-то думал. Наконец, не зная, как ко мне обратиться, он решил дотронуться до моего плеча. Не поворачиваясь к нему, я резко спросила его:

– В чем дело? Что вы хотели? Опять ФМС вызываете? Превратившись в мягкого и пушистого, виновато улыбаясь, словно заискивая, он сказал:

– Доброе утро! Не могли бы вы спуститься? Я хотел бы с вами поговорить. – Мы вчера «любезно потрепали», мне этого хватило. Тем более, что с националистами мне говорить не о чем! – огрызнулась я. – Простите меня, пожалуйста, был пьян, и наговорил лишнего. Я – не националист, родился и вырос в Орске, всегда дружил с казахами, не знаю, что на меня нашло. Просто, мне показалось, что вы – узбечка... – мямлил вчерашний герой. – Странно, а какая разница? Вы не уважаете нас одинаково. Я действительно знакома лично с вашим руководством, это не было враньем, но не позорьтесь и не унижайтесь! Не в моих правилах, «стучать» на кого бы то ни было. Не теряйте своего лица – жалкое зрелище! Вы же сейчас не искренне раскаиваетесь, а боитесь за свой зад. Противно на это смотреть! Простите, вы – неприятный человек, я не хочу с Вами разговаривать... Неоднократно произнесенные слова «вы», «вами», «ваши», как пощечины, хлестали его по щекам, заставляя опускать глаза. Спустившись со своей полки, гордо подняв голову, я пошла умываться. Это была моя маленькая победа. Я не могу изменить мир, но могу перевоспитать хотя бы одного человека. Пусть это станет началом хороших перемен!

Глава 2

Я сидела на чужой боковой полке, которая оказалась свободной, открыла журнал и начала разгадывать кроссворд. С моего места хорошо просматривалось соседнее купе, где сидели симпатичный парень лет 30-ти, двадцатилетняя красавица и маленькая хрупкая молодая дама 45-ти лет, краем глаза я наблюдала за тем, что происходит.

Там шла оживленная беседа за бутылочкой пива, под столом висел пакет с приличным содержанием оного. Было заметно, что парень понравился даме и она явно перед ним кокетничала. Чем пьянее она становилась, тем смелее себя вела. Со стороны это выглядело ужасно, и я поморщилась. Дама выяснила, что молодому человеку исполнилось 29 лет, в свою очередь, она требовала угадать ее возраст.

Парню была гораздо интереснее его молодая соседка. Стесняясь пристального внимания женщины, он быстро отвечал на вопросы женщины и старался не смотреть ей в глаза. На просьбу угадать ее возраст, молодой человек схитрил, сказав, что на вид ей 35.

Даме была приятна милая ложь и она, жеманно пожав плечами, не стала с этим спорить. Настойчиво женщина продолжала выяснять, есть ли у него девушка. Он сказал, что нет, так как на его небольшую зарплату не разгуляешься. Девушкам нужно устраивать романтические прогулки в кино, в кафе, рестораны, не будет же с ней только по парку гулять, а ему это все не по карману. Женщина на его откровения со смехом отвечала:

– А нам, серьезным женщинам, нужна только любовь! На фига нам прогулки! Ха-ха – ха!

Пиво брало своё, и через некоторое время женщина отправилась на верхнюю полку спать. Увидев меня, молодые люди пригласили поиграть с ними в карты, я согласилась. Завязалась беседа, в ходе которой мы рассказывали о себе, о своей цели поездки. Узнав, что я буду искать работу в Москве, ребята делились опытом, подсказывали варианты, предупреждали о возможных неудачах. Вдруг, в разгаре беседы, на стол с верхней полки упала пластмассовая вставная челюсть.

Мы прекратили играть в карты и разговаривать. Девушка прыснула в кулачок, а потом легла на свою полку, отвернулась и тихо хихикала в стену. Парень, сдерживая смех, тоже полез к себе наверх и вскоре затих. Мне пришлось взять зубы салфеткой, завернуть их, и подложить даме под подушку. Полка, на которой я сидела, оставалась свободной. Я не пошла в свое купе и продолжала разгадывать свой кроссворд. Немного погодя, женщина проснулась и начала что-то искать на полке.

Вскоре, лохматая голова соблазнительницы свесилась с верхней полки и шепеляво спросила: «Внис нисего не падало?» Я указала ей на ее подушку: " Возможно, под ней лежит то, что Вы ищете, оно упало с Вашей полки». Выпученными от ужаса глазами она посмотрела на меня и тихо спросила: «А парень фидел?» «Нет, он спал» – соврала я, во благо ее спокойствия.

Поезд продолжал бежать по железной дороге на запад, за окном мелькали сосны, березки, елочки, поля, холмы. Я пошла в свое купе и поднялась на верхнюю полку, которая, стоило мне лечь на нее, вновь «телепортировала» меня в прошлое. Казалось, забытые события ждали этого дня, чтобы выйти из глубин памяти и ожившими картинками напомнить о себе.

Громыхая колесами, словно чертыхаясь, наш состав проезжал мимо небольшой и тихой деревни, почти такой же, в которой я прожила немало лет.

Во второй половине 90-х годов стабильно получающими деньги были пенсионеры и бюджетники, село уже начало «умирать», другой работы там не было. Молодые женщины подрабатывали в сетевом бизнесе, распространявшем косметику, БАДы. Продать это пенсионерам было нереально, поэтому они ждали, когда учителя и медицинские работники получат свою зарплату.

Узнав, что нам была выдана зарплата, одна из этих девушек пришла ко мне домой с новым каталогом в руках. Двери дома мы не запирали, и молодая девушка беспрепятственно переступила порог моего дома. Она пришла не первой, и я была этим раздражена. «Господи, как же вы все надоели», – это фразой я встретила Яну, вместо «здрасьте».

Опешив от моих слов, она остановилась в прихожей. Однако, желая на мне заработать, «впарить» свою продукцию, молодая женщина быстро переключилась на другой режим. Задорно она начала нахваливать косметические средства, которые сделают меня «моложе и красивее». Я с улыбкой подождала завершения тирады «гуру продаж» и сказала ей, при этом посмотревшись в зеркало: «Яна, посмотри на меня внимательно!» А потом, резко повернувшись к ней и глядя прямо в глаза, задала свой убийственный вопрос: «Куда еще, может быть, лучше? Я выгляжу превосходно!» Продолжая следить за ее эмоциями, которые отражались на лице в течение нескольких секунд. Сначала оно было внимательно слушавшим, потом – удивленным, следом – окончательно растерянным, немного обалдевшим. Громко расхохотавшись от своих наблюдений за метаморфозами, я чувствовала себя королевой эпатажа.

Мне нравилось ставить людей в тупик, разыгрывать их, причем, начинала свое действие с абсолютно серьезным лицом и такой же интонацией, это случалось везде: дома, в кругу друзей, на работе.

В нашей школе сторожем работал киргиз по имени Клыч, в 90-е годы он с женой, которой захотелось вернуться в родное село, приехал из далекой Киргизии. Мужчина воспитывался матерью, отца у него никогда не было, и, соответственно, в его документах отсутствовало отчество. Такое редко встретишь в России, обычно даже те, кто также был рожден вне брака, имел такое же отчество, как у матери, или любое другое. У Клыча его не было совсем.

До «цифровой эры» никого и никогда не озадачивало это обстоятельство, но наступил 21 век, когда нашу жизнь стали вносить в различные базы, и первым заговорил о Клыче Пенсионный фонд. Его работники никак не могли внести в свои списки человека без отчества, программа не пропускала его, так как была настроена на полный комплект фамилия – имя – отчество. Пенсионный фонд присылал администрации школы одно уведомление за другим, он требовал прислать полное имя работника с отчеством, иначе будет наложен на директора школы штраф, за невыполнение ценных указаний сверху.

Озабоченный и озадаченный этим вопросом, руководитель зашел в учительскую. Поделившись своей проблемой, он задал нам вопрос: " Я уже не знаю, что мне делать с Токташевым. Как мне объяснить работникам фонда, что у людей может не быть отчества?" «Хотите, я подскажу Вам, что с ним нужно сделать?» – спросила я. Директор посмотрел на меня устало, но с надеждой, и мне, конечно же, хотелось ему помочь... Но еще сильнее было желание пошутить, и я подсказала ему простое решение: «А Вы усыновите и станет он, Клыч Петрович! И Вам хорошо – отпадут проблемы с Пенсионным, и ему хорошо – у него появится папа!» Язык мой – враг мой! Вся учительская хохотала и не могла остановиться, только директор сидел и хмурил свои брови, злясь на меня, что я перевела такую серьезную проблему в хохму.

Деревенский пейзаж за окном вслед за воспоминаниями навевал ностальгические чувства. Перед моими глазами появился мираж моего дома, с огородом и садом, в который заходили два малыша в белых панамках, одним из них был мой любимый малыш Тимур, ему тогда было всего пять лет. Увидев меня, у грядки с помидорами, он подбежал ко мне с восторженным воплем: «Мама, ты стала бабушкой!» Я весело переспросила его: «Уже? Как это случилось, сынок?» Сын, разжимая кулачки, показал мне двух лягушат на ладонках и гордо заявил: «Я их усыновил». Поздравив сына с этим событием, я предложила ему: «Ты же понимаешь, что они не смогут жить дома, отпусти их в огороде, пусть живут здесь, а мы будем о них заботиться, наливать им воду.» Сын согласился со мной. Чем дальше уносил меня этот поезд от детей, тем больше хотелось солнечных воспоминаний, связанных с ними, чтобы заглушить тревожные мысли о будущем.

Вот я уже нахожусь на своей кухне, раскатываю тесто. Заходит шестилетний сын с ведром, наполненным куриными яйцами. Эту работу я придумала для него, чтобы воспитать в нем ответственность, хозяйственность. Маленький добытчик регулярно по всему сараю собирал яйца, складывал их в холодильник и каждый раз благодарил курочек за заботу о нас. Он уже знал, что по весне мы их не забираем, а курочки сядут на них, чтобы вывести своих цыплят. Из каждого яйца должно будет вылупиться по одному цыпленку.

Сынок задумчиво спросил у меня: «Мама, а почему старшие мальчишки говорили, что в пах бить нельзя, а то наследства лишишься?» «Ого» – подумала я, но сын внимательно смотрел на меня и ждал ответа. «Правильно, у мальчиков в яичках сидят их будущие детки, это место нужно беречь,» – объяснила я. Тимур, как многие мальчишки, был выдумщиком, он на ходу придумывал истории. На эту тему у него тоже появилась своя история: «Я помню, когда сидел на облачке у Аллаха, он мне показал женщин и спросил: „У кого из них ты хочешь родиться?“ Мамочка, я сразу выбрал тебя, ты мне очень понравилась. Потом подсказал папе, чтобы он в тебя влюбился, а когда он тебя целовал, я выбежал из яичка и бежал внутри папы, чтобы, во время поцелуя из его губ прыгнуть в твои, а потом попасть в твой живот. Когда я там оказался, было темно и тепло, 9 месяцев я внутри тебя рос, а потом ты меня родила». Улыбаясь его выдумке, сладкому щебету своего птенчика, я радостно обнимала своего маленького фантазера, крепко целуя в милый лобик, приговаривала: «Спасибо, тебе, солнышко! Я так счастлива, что ты меня выбрал!» Сын ушел на улицу, но очень быстро вернулся с вопросом: «Мама, мы с Лаурой оба были у папы? Я в одном яичке, а она – в другом?» «Да» – с тревогой в голосе, помедлив, отвечала ему я. Она оказалась не напрасной, следующий вопрос поверг в замешательство: «Мама, а у бабушки 9 яичек?» Мое богатое воображение сразу же нарисовало картинку, от которой, еле сдерживала истерический смех. Пряча от сына лицо, робко спросила его: «Почему ты так решил?» Удивленный моим вопросом сын, разводя руки в стороны, резонно заметил: «Ну, так ведь, у него 9 детей!» Выдохнув, взяв себя в руки, напустив на себя серьезный вид, я сказала ему, что у мужчин в двух яичках очень много деток может поместиться.

Вечером, за ужином, мужу пересказала наш разговор с сыном. Тот чуть не подавился от смеха и громко хохотал, держась за живот и добавляя свои смачные комментарии, вроде «виноградной грозди».

Телефонный звонок вернул меня в реальность, это была мама, которая, наверное, уже узнала, что я уехала в Москву на заработки. Мы никогда не были близки с ней. Она не любила меня с самого детства, возможно, с рождения, ведь я была похожа на отца, часто болела, к тому же была упрямой девочкой. Как в детстве, когда была недовольна мной, таким же сухим тоном она сказала: «Здравствуй, Дана!» За секунду, прокрутив в голове весь наш диалог вперед, уже уставшим, от предстоящего разговора, голосом я ответила ей: «Привет, мам!» «Мне звонила твоя свекровь, сказала, что ты уехала, это правда? Что ты там будешь делать? Ты уже сделала одну ошибку, оставив детей без „своего угла“, теперь делаешь вторую?» – строгим тоном отчитывала меня в трубке мама. Мне не хотелось ей объяснять, что, уезжая, я не могла оставить без присмотра свой дом. Алкоголики не оставили бы от него ни щепки, пока не растащили бы его в обмен на самогонку дельцам, скупавшим у них все подряд. Легче было его продать. Мебель мне некуда было забрать и я ее оставила бесплатно новым владельцам нашего дома. Возвращаться назад я все-равно не планировала.

Когда я слышала такие интонации в ее голосе, мне не хотелось с ней говорить, но ответила: «Во-первых, продала я только один дом, у меня остался еще деревянный. Возможно, это – ошибка, что я уехала, но выбора у меня нет, ничего конкретного пока сказать тебе не могу. Я даже понятия не имею, что там буду делать». Мама продолжала свой «допрос с пристрастием»: «Где будешь жить? Тоже не знаешь? Как можно быть такой несерьезной, безответственной в сорок лет? А дети? Ты о них подумала? Кстати, твоя свекровь называла тебя «кукушкой» «Пусть говорит, что хочет. Мама, я всегда думаю о детях. Ладно, потом тебе позвоню. У меня

роуминг, не могу долго разговаривать, пока,» – резко оборвав неприятный разговор, отключила телефон совсем. Представляю, какой у нее был тогда шок, впервые послушная дочь не посоветовалась с ней, не поставила в известность о своих намерениях, приняла самостоятельное решение.

В этот момент я лежала и мысленно задавала ей вопрос: «А ты обо мне думала когда-нибудь? Почему и как я приняла это решение?»

«И дом я продала только потому, что позвонила твоя племянница Даяна и сказала: „Что так и будешь сидеть в деревне? Продавай дом, Таир покупает гостиницу в Чехии и предлагает нам там работать, заниматься ею. Ты знаешь немецкий, я – английский, мы справимся. Там ты сможешь столько заработать, что сама сможешь купить квартиру в Оренбурге!“ Я переспросила ее через неделю, не передумали ли они с гостиницей. Она так же весело щебетала мне о том, как все у нас красиво сложится и мне нужно продавать квартиру, как можно быстрее. Когда я совершила сделку купли-продажи и сделала себе заграничный паспорт, я снова позвонила Даяне. Я сообщила сестре, что могу теперь ехать с ней в Чехию, она растерянно сказала: „Дана, я забыла тебе сообщить о том, что Таир передумал покупать гостиницу“. Я начала было возмущаться, зачем она меня обнадежила, если решение не было окончательным, но сестра не хотела меня выслушать. „Сытый голодного не разумеет“. У нее есть родители, состоятельный брат, младший брат, у нее самой есть небольшой бизнес. А я? Я – человек, у которого нет ни одного, кто мог бы помочь решить, хотя бы часть проблем. А теперь еще и квартиры нет,» – все это я мысленно рассказывала своей маме. Но, она не слышала меня и знать не захотела бы, потому как мне нужно было принимать решение своей головой, а не потому, что кто-то куда-то позвал. Даяна была дочерью средней маминой сестры и поэтому, как Итиль, была неприкосновенной личностью, а уж тем более их нельзя ни в чем обвинить. Как в детстве, когда эти племянники могли нашкодить, почему-то «Полкана спускали» только на меня. Ответственность за это решение я с себя не снимала, и никаких претензий ни к кому не имела.

«Мама, а любила ты меня когда-нибудь? Для тебя был только один ребенок – Даулен! Я всегда чувствовала себя виноватой перед тобой, только непонятно в чем,» – продолжала вести с ней мысленный диалог я.

В июле самого тяжелого для нашей семьи года профсоюз дал маме путевку на курорт, который находился в Челябинской области. Все дни на курорте были для нее обычными, но в последний из радиоприемника послышалась печальная мелодия. Обычно, такую музыку передавали в эфир, когда собирались передать народу скорбную весть о кончине одного из лидеров страны. Мама, услышав эту музыку, спросила у кого-то: «А что кто-то умер?» В ответ, человек, пожав плечами, ушел.

Ощущение какого-то горя не покидало ее. Вечером, в комнату пришли работники санатория и сообщили, что кто-то к ней приехал и хочет поговорить, тревога нарастала. Это были два ее бывших ученика, которые поехали за мамой, по нашей с папой просьбе. Чтобы смягчить удар, им пришлось соврать, что в аварию попал муж и лежит в тяжелом состоянии.

Машина заехала в село в три часа ночи, все ждали ее в тревоге. Родственники, соседи, коллеги, другие односельчане – всё село собралось у нашего дома, выражая скорбь и сочувствие нашей семье. Я встретила маму, помогла выйти из машины, первое, что она спросила: «Где Даулен?» Не готовая что-либо ответить, я молча повела ее в дом. Усадив на диван, сделала знак отцу, который зашел и опустился перед ней на колени. Мама растерянно посмотрела по сторонам. «Рая, прости, я жив, но сына нашего больше нет»

Это был вой раненой волчицы, ее сердце рвалось от горя. Любимого сына, надежды и опоры не стало! Мир рухнул! Нет его – нет жизни для них! В день похорон у отца открылось кишечное кровотечение, мама обессилела, теряла сознание, я тоже, тихо плакала его двадцатилетняя жена, обнимая крошечную дочь.

У мусульман женщинам не положено идти на кладбище, но моя душа не была с этим согласна. Мне хотелось проститься с ним там, с моим любимым братиком, с которым играла, когда он был малышом, учила читать, считать. Мне казалось, что попросив разрешение у муллы, я смогу проводить его в последний путь. На мою просьбу мулла ответил так: «Дана, будь благоразумной, не ходи на кладбище! Не принимай этот запрет, как унижение. Мы все знаем, что в этот мир приходим на определенный нам Господом срок. Рано, или поздно уйдем в вечность, однако, когда нам приходится хоронить своих близких, испытываем нестерпимую боль и горе. Именно поэтому этот закон служит тому, чтобы уберечь вас, женщин, от больших потрясений, боли потерь, заставляющих черстветь ваши сердца. Женская душа должна оставаться доброй и мягкой, ибо вам предстоит выполнение важного предназначения – воспитание детей. Сейчас ты – мать, а потом станешь бабушкой, побереги свое сердце, девочка!» После его слов я осталась дома, как и все мусульманские женщины до меня и после.

Я рано узнала о смерти. В шестом классе меня пригласила поиграть моя одноклассница Ланка, мы зашли в дом и стали играть, а потом откуда-то пришел странный запах, он был сладковатый до тошноты, и вызывал чувство тревоги. Я не могла понять своего состояния и захотела быстрее уйти из этого дома.

На следующий день не стало Ланкиной мамы, прекрасной женщины, повара школьной столовой. Молодая женщина трагически погибла под колесами грузовика, оставив троих детей на свою престарелую мать.

В следующий раз это случилось через несколько лет. Была весна. Мои куры сели высиживать цыплят. Для теста мне понадобились яйца и я пошла к соседке за ними. У нее не все куры выводили, и излишки яиц она продавала. Когда я зашла к ней в дом, запах резко ударил мне в нос, и мне стало дурно и страшно.

В тот вечер, на работе от сердечного приступа внезапно скончался ее муж. Господи, зачем я его чувствую? Почему мне становится страшно от этих ощущений?

В третий раз он пришел ко мне домой...

Я плакала всю ночь во сне, которого не помнила. Проснувшись на мокрой подушке и одевшись в черное платье, по совету Коко Шанель, оно было в моем гардеробе. До сих пор не знаю, почему выбрала этот цвет в то утро.

Я снова узнала его. Сладкий, в то же время гадкий, и уже до боли знакомый запах заползал в дом из каких-то щелей и пугал меня... Потом принесли телеграмму... Не стало моего брата, умного, красивого, талантливого... Он писал красивые песни... Последняя оборвалась внезапно, на пыльной дороге, взлетев над капотом «Волги» на полной скорости, торопившегося домой, мотоцикла, посреди необъятной степи.

Запах смерти! Я поняла, что это был запах смерти. Дурнопахнущая коварная старуха с косой разрушала наш добрый и теплый мир. Он распадался на атомы, которые невозможно уже собрать.

Одна смерть изменила все наши жизни, цепкими клешнями вырывая из груди клоками наши сердца и души.

Уже в родительском доме, перед самыми похоронами, я отключилась на несколько минут. За это время, мне приснился странный сон. Мы с односельчанами провожали толпу друзей моего брата Даулена, которые строем уходили из села, впереди всех шел мой брат. Лил дождь, и не было понятно, что текло по нашим щекам: то ли слезы, то ли капли дождя. Этот сон стал пророческим.

По разным причинам наши односельчане хоронили молодых парней, ровесников моего брата, горько оплакивая каждого из них. Угасала жизнь в селе и росло кладбище, словно, соперничая с деревней своими размерами. Некоторые из них погибали от несчастного случая, кто-то от болезни, кто-то в криминальных разборках 90-х, а кое-кто и в бою.

В Первую Чеченскую войну погиб наш односельчанин Жолдинов Жантас. «11 августа 1996 года группа прикрытия контролировала коридор для выхода из города мирных жителей. Сила боевиков была превосходящей. Над отрядом нависла угроза окружения»...

Его мама умерла, когда мальчик был еще маленьким. С тех пор, он тосковал по ней, ему рано пришлось познать горе. Первое, о ком тогда подумал Жантас, это были матери его боевых товарищей.

– Вас ждут мамы и вы должны вернуться живыми! Я знаю, что им будет тяжело без вас, – с этими словами Жантас добровольно вызвался прикрывать отход товарищей.

Истекая кровью, он вёл огонь по противнику пока не кончились боеприпасы, затем отбивался штык-ножом. Боевики расстреляли Жантаса в упор. Матери тех ребят добились присвоения нашему земляку звания Героя Российской Федерации (посмертно). Этого звания Жолдинов Жантас был удостоен первым в Оренбургской области.

Не осталось в селе семьи, кого не коснулось холодное крыло горя. Напуганные страшными потерями, люди в складчину купили большую черную корову и принесли ее в жертву. На общих поминках, где читали и мусульманские, и православные молитвы, они молили Всевышнего защитить их детей. Горе и страх потерять остальных объединяли и сплачивали жителей села независимо от национальности, от религии.

После смерти сына мой папа замкнулся. Зная, что он с кровотечением так и не пошел в больницу, я спросила его:

– Папа, почему ты не хочешь лечиться?

– Моя жизнь не дороже сына, – угрюмо отвечал он.

– Почему ты не хочешь подумать обо мне, о маме, о внуках? Почему ты не хочешь жить ради нас? – плакала я в истерике, но он не отвечал мне, лишь молча смотрел мимо меня, уставшими от страдания, глазами.

Я не смогла до него ни докричаться, ни достучаться.

Лишь тогда, когда метастазы «расползлись» по всему организму, он согласился лечиться, но было поздно. Его уже невозможно было спасти.

Проклятая болезнь захватила организм и поедала изнутри. Я слушала хирурга, глотая слезы. Они шли не из глаз, а комком скатывались сразу в горло, потому что за дверью кабинета сидел мой папа. Наступает время, когда мы с родителями меняемся местами. Я понимала, что это был тот самый момент. У кабинета сидел мой большой беспомощный ребенок, с ввалившимися глазами. Он терпеливо и растерянно ждал решения врача и меня. Когда я вышла, он внимательно изучал мое лицо. Я врала, пытаясь казаться спокойной и равнодушной. Говорила ему

– Папа, врач меня отругал. Мы такую ерунду, как геморрой, не хотели лечить вовремя. Теперь я тебя буду лечить! Поехали домой!

Я пыталась спасти папу по схеме одного немца, который с таким диагнозом жил уже двадцать лет. Нужно было пить сулему, чагу, нафталин, фракцию. Нам показалось, что этот бредовый рецепт даже помог папе, и вместо двух недель, обещанных врачом, он прожил еще полгода. Фракцию папа пить отказался:

– Эту вонючую гадость пить не буду!

После этого стал сдавать и покинул этот мир абсолютно измученным болезнью и страданиями. Мне было жаль отца, который много пережил в своей непростой жизни. Он был вечно виноват перед мамой. Она винила его даже в смерти сына, потому что не остановил его. После похорон я задала маме вопрос:

– Ты считаешь папу идеальным мужем?

– Да, твой отец был очень хорошим мужем! – тихо сказала она.

– Жаль, что он никогда не слышал этого, – подумала я.

Мне нужно было решить вопрос с домом и мамой. Для этого в большой комнате собрался семейный совет, на нем присутствовали близкие родственники и друзья семьи. Дядя Ахметжан, мамин двоюродный брат, начал с меня:

– Дана, тебе нужно решить вопрос с мамой. Где она будет жить? У мамы, из-за тяжелой болезни, правая рука висела «плетью» и не работала, многое по дому раньше делалось отцом. Оставлять ее одну я не могла и предложила переехать к нам в Беловку. Мама категорично заявила:

– Нет, никуда не поеду из своего дома, вы должны приехать в «Красный Чабан». Раньше я никогда не противоречила своей маме, но тут решать нужно было не за себя и за нее, а за своих детей:

– Мама, извини, но сюда переезжать мы не будем, я предлагаю тебе жить с нами. Беловка находится рядом с областным центром, а Чабан – в 400 километрах от него. Сейчас я буду ориентироваться на своих детей, завтра им предстоит учиться в Оренбурге, а отсюда добираться очень сложно. Хватит того, что я во время учебы, только четыре раза в год приезжала домой.

– Тебе не жалко бросать свой родной дом, село? Ты обязана вернуться в «Красный Чабан», это твоя Родина! – продолжала настаивать мама.

Я не хотела с ней спорить и переключилась на тетю, мамину сестру:

– Тетя Марьям, а ты не хочешь вернуться в родную деревню? Могла бы ты с мамой здесь поселиться.

Раньше она жила в Чабане, но тут вдруг тетя Марьям замахала руками:

– Ой, даже не собираюсь. Рая, мне, кажется, тебе нужно ехать к Дане.

– Апа (сестра), послушайте моего совета, не нужно заставлять детей ломать свою жизнь, им нужно идти вперед, а вы их тащите назад. Дана говорит правильно, ты должна подумать о ней и о внуках, – сказал дядя Ахметжан.

К его мнению она всегда прислушивалась. Согласившись с родственниками, мама стала обреченно готовиться к переезду. Тетя уехала в Казахстан.

За короткий срок я собрала и упаковала ее вещи, оформила сделку с совхозом «Обмен дома на зерно». Сдала полученное от совхоза зерно на элеватор. Открыла там счет, куда должны будут перевести деньги от продажи моего зерна. Сделав все эти дела, мы погрузили в машину оставшийся после тщательной сортировки нехитрый скарб мамы и повезли его за много километров от дома. Мама стала привыкать, частенько, с грустью, вспоминала вслух школу, коллег, односельчан. Однако, будучи коммуникабельным человеком, она знакомилась с нашими соседями и начала общаться с бабушками села.

Начался новый этап нашей жизни, когда мы с мамой учились дружить друг с другом, чего не было раньше. Мы стали больше разговаривать. Я была тогда благодарна ей за то, что она перестала давить на меня, но это был поспешный вывод. Ей трудно было кардинально поменяться в этом возрасте. Периодически, по привычке, как когда-то в общении с отцом, она капризничала, обижалась на мелочи. Иногда ее обиды на меня были смешными, как та, которая возникла из-за того, что я не посоветовалась с ней, какое мясо заготовить на зиму, когда в сарае остался один-единственный бык. Было бы странно обсуждать это на семейном совете!

В один из тихих вечеров, после ужина, настойчиво зазвонил телефон, на другом конце провода плакала тетя, та, что уехала в Казахстан.

– Алло, Марьям – это ты? Почему плачешь? – спрашивала мама.

– Да, это я. Наш завод закрыли. Зарплаты нет. Я думала, что буду получать пенсию по «горячей сетке», но ее отменили. Нет денег платить за учебу Итиля. Теперь его могут забрать в армию, а он не хочет, – всхлипывая, перечисляла Марьям свои горести.

– Чем мы можем помочь?, – спросила ее я.

– Мы хотим вернуться в Россию, поможете нам?, – попросилась она.

– Хорошо, выезжайте. Чем сможем, тем и поможем, – ответила ей я.

Они приехали уже через месяц, все их вещи помещались в одной клетчатой китайской сумке, которую в народе называли «мечта оккупанта». Денег у них с собой не было. Моя тетя была самой младшей в семье. Она привыкла всю свою жизнь рассчитывать на старших братьев и сестер.

– Вот мы и приехали. Теперь мы ваши бедные родственники и будем жить у вас. Наших денег хватило только на билет. Подарки и гостинцы купить не смогли, – с этими словами тетя зашла в мой дом.

Мама вышла поприветствовать прибывших. Она обнимала и целовала гостей, утешала их, приговаривая:

– От вас никто и не ждал подарков. С приездом, мои дорогие!

Теперь, когда мама жила со мной, функция «опекуна» Марьям автоматически ложилась на мои плечи. Я не знаю, как некоторым людям удается стать манипуляторами, подчинить себе многих, заставить их решать чужие проблемы? Моя тетя была мастером в этом деле.

Я привыкла все до мелочей планировать, и мне захотелось сделать это и для тети:

– Я узнала, что нужно сначала пройти медосмотр, сходить в администрацию сельского совета, обратиться в паспортный стол, в пенсионный отдел. Машину я заказала к 8:00.

– Хорошо, с завтрашнего дня начнем. Дашь нам деньги на дорогу и за медосмотр заплатить? – спросила тетя.

– Да, конечно, оставлю, – кивнула я.

Через месяц, когда были собраны все документы и получено российское гражданство, тетя с сыном прописалась в нашем доме. Первый пункт тетиного плана был выполнен, был еще и второй... О нем я еще не знала... Вскоре мама заговорила со мной о племяннике:

– Итилю необходимо получить высшее образование. На это нужны деньги. Их у твоей тети сейчас нет. Ты должна помочь родным. Возьми в долг у фермеров, когда получим деньги за дом, рассчитаемся с ними. Да, твоя свекровь сказала, что ты копишь доллары. Может, их достанешь?

Я, действительно, иногда покупала доллары. Их в деревне трудно потратить. Таким образом, мне удавалось накопить на какую-либо крупную покупку. Свекровь не знала, что они ушли на похороны папы. Но, эта информация подлила масла в огонь.

Ко мне пришло запоздалое понимание того, что тетка заранее запланировала воспользоваться деньгами старшей сестры для обучения своего сына! Несамостоятельная Марьям несколько лет находилась на иждивении у средней сестры. Той, наверное, надоело ее тянуть и она сбавила ответственность на нас с мамой.

Младшая сестрица так и жила всю свою сознательную жизнь между двумя сестрами, между Казахстаном и Россией, то и дело сходясь и разводясь с мужем. Мне казалось, что даже железнодорожные контейнеры матерились, громяхая, когда выплевывали из себя разбитую такой жизнью мебель и затасканные переездами мешки и чемоданы.

– Бедному стоит улыбнуться, как он начинает просить заплатку на свой чапан (халат), – подумала я бабушкиными словами.

Вслух ответила иначе:

– Фермеры дадут только под проценты. Мой муж – безработный, доход моей семьи – одна моя зарплата. Для меня любой кредит – это риск. Итиль должен понять, если нет денег на учебу сейчас, то нужно идти сначала в армию, потом можно будет работать и учиться заочно, или на вечернем отделении.

Тетя, молчавшая до этой фразы, с агрессией набросилась на меня:

– Когда вырастет твой сын, ты все сделаешь, чтобы он не пошел в армию. Вот и я делаю, что могу.

Мне приходилось сдерживать себя, чтобы не переходить в другую тональность:

– Да, только ты ничего не делаешь, а заставляешь меня залезать в долги. В отношении нас ты ошибаешься. Когда Тимур вырастет, он пойдет в армию, а потом будет работать и оплачивать свою учебу сам. Просить денег он ни у кого не будет, даже у меня. Я так воспитана и детей этому учу. Мой сын будет рассчитывать только на свои силы.

– Если ты не хочешь помочь тете, то ты мне не дочь! Я оставлю тебя без наследства! Ни копейки от меня не получишь! – со злостью кричала мама.

Потом она отвернулась и сквозь зубы сказала:

– Лучше бы ты сдохла в детстве от бронхиальной астмы!

Я устало ответила ей:

– Мама, я тоже мать. Но, как мать, я тебя не понимаю.

Жить под одной крышей с озлобленными родственниками становилось невыносимо. Марьям закатывала скандалы и истерики, мама утешала ее и ругала меня. Итиль спорил не хуже женщин, конфликт становился все болезненнее.

В меня кидали бомбы, разрывая
Измученное сердце на куски...
Мне было не до ада или рая,
Лишь боль, что не подал никто руки...
Я пробовала жить всегда открыто,
Как на листе понятным шрифтом стих...
Теперь последней каплею убита...
Мне не простили... Я простила их...

(Ирина Самарина-Лабиринт)

Ситуация тех дней напомнила мне седьмой класс. Тогда одноклассники объявляли мне бойкот за бойкотом, только потому, что я была дочерью директора школы. Им казалось, что я всюду выведывала информацию, а потом «стучала» на всех своей маме. Хотя, на самом деле, я ее почти не видела дома. Они думали, что учителя ставят мне хорошие оценки по той же причине. Эти обвинения были несправедливыми, и я пыталась доказать одноклассникам свою невиновность. Моя бабушка сказала мне тогда:

– Съел волк – не съел, про него все будут говорить, что его пасть в крови! Если толпа решила, что ты в чем-то виновата – не доказывай им ничего. Они не услышат тебя. Не иди против глупцов. Пережди время! Потом они поймут, что поступали неправильно! Доказывать нужно делом! Учись хорошо. Добивайся высоких результатов. Поступи в институт. Там тоже хорошо учись. Вот тогда до них дойдет, что твои оценки заработаны честно!

На тот момент ее слова я поняла так, что для меня будет лучше, если начну игнорировать одноклассников, перестану оправдываться, и тогда они не будут меня донимать. Не угадала... Дети бывают очень жестокими, они не унимались и в том случае, когда я замыкалась и уходила в свой мир. Кто-то сказал:

– Даже сильных может победить толпа немощных.

Одноклассников было много, а я осталась одна. Слабый, одинокий подросток... Никто не замечал моих страданий, и, в первую очередь, их не замечала моя мать! Мне не хватало ее поддержки! Мне не хватало ЕЁ! Тогда я для себя решила, что если взрослые не видят, как мне сейчас плохо, то они и не заметят, если меня не станет совсем. Я часто оставалась наедине с этими мыслями. Как всегда, дома никого не было: родители – на работе, брат – или на секции, или играл где-то с пацанами. По телевизору показывали многосерийный фильм о сибирском селе. Его тогда смотрели все жители нашей деревни.

В одной серии героиня, из-за семейных проблем, повесилась. В моих глазах запечатлелись, показанные крупным планом, ее полосатые носки на болтавшихся в воздухе ногах.

Не одна я обратила внимание на них. На следующий день на перемене мальчишки показали, как делаются удавки, петли, на которых вешаются. Я – девочка сообразительная. Мне достаточно было одного раза, чтобы запомнить, как завязать петлю. В тот день я сама себе сказала:

– Лучше сдохнуть, чем быть никому не нужной!

Взяв в руки петлю, я задумалась. Отбросив эмоции, я размышляла, как все это произойдет и что будет после меня. Первыми, о ком я подумала, были бабушка и папа, для которых моя смерть станет страшным горем. Мне стало их жаль. Вспомнились бабушкины слова:

– Девочка моя, даже за спиной хана злые люди показывали кулак. Иди по жизни гордо и с достоинством. Покажи им силу своего духа!

Умываясь горячими слезами, медленно, одеревеневшими от страха пальцами, я развязала узел и убрала бельевую веревку обратно в ящик.

Но, этот бойкот делался уже по-взрослому! Мать весь накопившийся гнев выплеснула мне в самую душу. Эти слова обожгли меня и больно ранили. Сразу вспомнилось безрадостное детство, в котором не было материнской любви. Мне приходилось видеть ее нежность, направленную на брата. Помню себя, в ожидании маминой коленки.

Мы в большой комнате смотрели телевизор. Братик лежал на диване, головой – на коленях мамы. Она нежно гладила его по волосам, целовала. Я, как неродная, искоса наблюдала за ними, ждала, когда он уйдет. Наконец-то... О! Чудо! Колени мамы опустели, и я бегу, чтобы лечь на них головой. Я уже в полуметре от нее...

Мама, с раздражением в голосе, останавливает меня на лету фразой:

– Ты куда бежишь? Большая уже! Сиди в кресле!

Мою маму многие считали очень мудрой женщиной. Она была хорошим педагогом, психологом, директором школы, но материнской и женской мягкости, такта ей не хватило сначала в воспитании, а потом, чтобы понять, что из-за капризной и жадной сестры она теряет родную дочь. Возможно, навсегда... Для других мама всегда была советчиком, учила правильно выстраивать отношения в семьях... Но, не слыша себя от злости, разрушала то, что осталось от собственной семьи. Она кричала мне:

– Уеду на Родину, не хочу с тобой жить, ты – неблагодарная дочь! В твоём доме всё моё! Это я тебе купила приданое! Все заберу, ничего не оставлю!

Отпрыск тети ехидно заметил:

– Мы даже можем тебя лишиться квартиры. Ты сама нас прописала.

Я стояла, словно каменный истукан, внутри которого пряталась и догорала душа. Ее неистово «скребли кошки». «Твари» царапали безжалостно, оставляя длинными когтями глубокие отметины. Хотелось расплакаться. Вряд ли кто из них пожалел бы меня. Поэтому, собрав силы, я с ухмылкой ответила Итилю:

– Да, но права на квартиру давно юридически оформлены на членов моей семьи. Это общедолевая собственность. Я могу выписать вас с такой же легкостью, как и прописала.

Я ходила по своему дому прибитая, несчастная. Слышала, как с моего домашнего телефона тетя и мама демонстративно громко жаловались на меня всем родственникам, родственникам мужа, односельчанам, среди которых я зарабатывала свой авторитет десять лет. Всё шло «коту под хвост», катилось к «чертям собачьим»!

Мне было трудно простить маме то, что, после их разговоров, приходилось идти по селу и слышать, как за спиной все, кому не лень, говорили:

– Дана выживает из дома свою родную мать и тетю. Бессердечная эгоистка выгоняет мать-инвалида.

Я, как тень, шла на работу и с работы. Казалось, что мне в спину воткнули огромный тесак, с которым приходилось жить, терпеть адскую боль.

По ночам я долго не могла уснуть. Все горело синим пламенем вокруг и внутри меня. Это был мой персональный, индивидуальный АД!

Вспоминая то время, только недавно поняла, что мой муж и дети так старались меня не напрягать. Даже не помню их присутствия в доме, словно я была одна, в захваченной врагами крепости. Моя семья по собственной воле удалилась на задний план моей тогдашней действительности, предоставляя мне возможность разобраться в отношениях с родственниками самостоятельно. Через две недели у ворот моего дома остановился грузовик. Приехал дядя Ахметжан, который выхлопотал маме, как Почетному Гражданину района, квартиру в своем селе и увозил ее обратно, на восток.

Для меня это стало неожиданностью, но, возможно, это было лучшим решением. Жить в таком негативе становилось невыносимо. Поборов себя, я сказала матери на прощание:

– Я не хочу, чтобы ты уезжала, поэтому участвовать в погрузке твоих вещей не буду. Насчет приданого ты права, здесь все действительно куплено тобой. Я сейчас уйду из дома. Бери все, что тебе нужно, не стесняйся, но с этого дня забудь меня! Твоя дочь умерла в детстве от бронхиальной астмы!

Только потом я заметила, что слово «мама» из моей фразы пропало, как пропадала она сама в эту секунду из моей жизни. Уйдя далеко за деревню, в безлюдное место, я села у родника, мирно журчащего у края леса, под кладбищенским холмом. Опустив голову на колени, я расплакалась. Уже на расстоянии прощалась с мамой, со своей семьей, которую для меня, после смерти отца и брата, представляла она одна. Рядом с кладбищем я хоронила свою любовь к ней, поливая землю горькими слезами. Белая капуста летала надо мной, задевая тонкими крылышками мои лицо и волосы. Она была такой настойчивой в своей заботе. Ах, белая бабочка... Мне даже показалось, что это родная мне душа, слетевшая с небес, утешала меня. Я смотрела на нее и видела свою бабушку в белой ночной сорочке и белом платочке.

Машина уехала, не дождавшись моего возвращения. Я не простилась с мамой физически, но сделала это мысленно, крепко обнимая ее на прощание. Тут проявился недостаток нашего степного сурового воспитания.

Нас научили читать по глазам настроение, эмоции, в словах слышать то, чего не сказали, или сказали «между строк», скрывать свои чувства. Нас не научили говорить о своих чувствах. Мы не признаемся близким в том, от чего нам бывает больно, не сообщаем, от чего нам хорошо... Мы прячем это от всех, даже от себя. Ночью, после отъезда мамы и тети, я, как мумия, лежала на кровати с детьми и не спала. В соседней комнате кричал во сне пьяный муж... Благо, дети, набегавшись на улице, спали крепко и не слышали отца.

Погрузившись в свою печаль, молча, не мигая, смотрела в темноте на черный потолок. Я беззвучно плакала, не всхлипывая и не вытирая слез, чтобы не разбудить детей. Горячие струйки беспрестанно стекали по вискам на подушку, делая ее мокрой. Мокрыми становились и мои волосы.

Через месяц после таких ночей я обнаружила, что под лопатками, на хлопчатобумажной ночной рубашке, протерлась ткань. Она стала тоньше и просвечивалась. «Крылышки пробиваются», – ухмыльнулась я «себе под нос», обнаружив два полупрозрачных пятна на сорочке. Я начала получать письма от мамы, которые сжигала, не читая. Мне не хотелось делать вид, что ничего не случилось, что я не обиделась. Всю жизнь я ждала от мамы любви, прощая ей резкий тон, оправдывая ее холодность и раздражительность тем, что она уставала со мной, больным ребенком, с которым проводила бессонные ночи, а потом уставала на работе. Не получая от меня ни одного ответа, возможно, она впервые почувствовала, что была не права. Она начала звонить мне, желая исправить ошибку. Для нее я умерла, она сама так захотела. Я не могла простить ей этих слов. К телефону подходили дети, мой муж. Они разговаривали с ней, но мне было трудно перешагнуть слишком сложный для меня барьер, глухую бетонную стену, возведенную между нами моей матерью. Даже будучи ребенком, я не понимала ее, когда она проклинала отца, его род. Слыша ее слова, я вздрагивала от страха за отца, за нас, потому что его род – это МЫ. Мне не было понятно, как можно ранить близкого человека, с которым живешь

бок о бок каждый день и всю жизнь, которому после всего этого нужно будет смотреть в глаза каждый следующий день. От этих сцен моя душа страдала не по-детски. Я обещала себе: когда вырасту, никогда не буду обижать мужа и огорчать детей.

Мне всегда хотелось понять, почему папа чувствовал себя виноватым, многое прощал маме. Тогда мне еще не было известно о трагедии, которая произошла с отцом задолго до моего рождения.

Женившись после армии на восемнадцатилетней Райхан, папа привел ее в родительский дом, где жила большая семья: дедушка Мукатай с молодой женой, сыновьями и старенькой матерью, воспитавшей его детей. Между старшими женщинами в доме часто возникали конфликты. Дерзкая сноха не думала уступать свекрови. Мой дедушка слишком сильно любил свою красавицу-жену, баловал ее подарками и не пресекал грубого поведения по отношению к его матери. Мой папа очень любил бабушку. Ему не нравилось, что жена отца так себя ведет. Он несколько раз предупредил мачеху, что не даст в обиду бабушку. Та только смеялась ему в лицо, провоцируя конфликт. Однажды, когда мой папа приехал с работы раньше обычного, он увидел картину, от которой его бросило в жар. На земле сидела бабушка, а мачеха била ее по голове огромным медным тазом. Все произошло внезапно. В состоянии аффекта он схватил висевшее на стене ружье, для того чтобы напугать мачеху. Он выстрелил... Ружье оказалось заряженным... Как птица, в последний раз взмахнув крыльями, молодая мачеха замертво упала рядом с бабушкой, залив кровью ее и двор. Со скоростью вылетевшей пули весть разлетелась по селу. В одно и то же время о ней узнали мама и ее отец. Дом находился в трех километрах от школы, там работала моя мама. Она выскочила оттуда и побежала, не разбирая дороги, путаясь в своем длинном сером плаще – макинтош. Ее розовый крепдешиновый шарфик развевался на ветру. Он еле держался на тонкой девичьей шее. Пытаясь догнать и остановить дочь, за ней бежал мой дед Нурахмет. В этот момент она думала о своем муже, дедушка – о своей дочери. Им уже сообщили, что второй выстрел Сулейман сделал в себя, но был еще жив.

– А вдруг он убьет Райхан? – стучало в голове деда.

Мой папа «загребел» в тюрьму на семь лет, там его навещал только тесть, дедушка Нурахмет. Дедушке Мукатаю было трудно простить сыну смерть красавицы Кулай.

Все эти годы мама ждала его, но на свидания ни разу не ездила. Перед тем, как его увезли в райцентр, он успел ей крикнуть:

– Не жди меня, устраивай свою жизнь!

С его стороны это было честно. Он понимал, что срок ему назначат немалый, чувствовал себя виноватым перед ней. Ему не хотелось губить ее молодые годы.

В нашем селе стояла ракетная воинская часть, однажды там появился казах, офицер. Он заметил молодую учительницу. Через ее коллег, жен офицеров, он передал записку, в которой писал, что хотел бы с ней познакомиться и что у него самые серьезные намерения.

Мама не пыталась изменить свою судьбу. У выросшей в селе девушки больше страхов за свою репутацию, чем у городских. Нам с детства внушают, что «испорченную в молодости репутацию не исправить», «хорошее имя не купить», ««пятно» ложится на всю семью», «не одно поколение будет помнить о бесчестии...». Позорить родителей маме не хотелось. Возможно, она сожалела о том, что не изменила свою судьбу, и вспышки гнева на отца были тому подтверждением. Я – папин «адвокат», всегда его защищавшая, вызывала к себе тот же негатив, что и он. Мы редко можем признать свои ошибки, и мама – не исключение.

Я отчетливо представляла диалог мамы и тети после телефонного разговора со мной. Папина бабушка Сакуп обладала даром предвидения, у меня его вроде бы и не было, но иногда какие-то картинки передо мной появлялись. Чем они были, тем самым даром, или продуктом моего богатого воображения? Я не знаю.

Однако, я видела маму и тетю, сидящих в большой комнате и разговаривающих. Тетя спросила у сестры, правда ли, что я отправилась в Москву. Мама задумчиво кивнула головой. Беспокоясь за мамины деньги, а не за меня, сестра не унималась. Она спросила:

– Зачем она поехала? Все равно у нее ничего не получится. Итиль сказал, что Москва для молодых, а ей уже 40 лет. Промотает последние деньги, потом будет тебе звонить, просить их у тебя, чтобы вернуться.

После того, как тетя Марьям получила от мамы все, что у нее было, отношения между сестрами стали натянутыми. Чувствуя зависимость беспомощной сестры от нее, Марьям уже могла позволить себе резкий тон в разговоре.

– Дана не попросит, я ее знаю. Будет голодать, но просить не будет, она упрямая... – сказала мама, узнавая в моем характере себя.

– И не таких Москва ломала! – не унималась сестра.

Она ненавидела меня, именно за характер. Мама, понимая это, ответила Марьям:

– Она с детства такая, ее не сломают. Мы с отцом так ее воспитывали, да и жизнь закалила. В три года отец научил ее играть в шашки, в пять – в шахматы. Закатила она как-то отцу истерику, хотела у него выиграть, а не получалось, да и отец не уступал. Сидит малышка за столом и кричит: «Почему ты не хочешь мне проиграть? Я тоже хочу выигрывать!». А отец ей говорит: «Разве ты сможешь выиграть? Ты даже проиграть достойно не можешь, без слез и соплей!». Потом она говорила, что на всю жизнь слова отца запали в душу. Вспоминала их, когда ей было трудно и хотелось плакать.

Мама продолжала:

– Я ведь ей тоже никогда «спуска не давала», не помогала с уроками, говорила: «Дома куча словарей и энциклопедий, находи там ответ, ко мне не обращай!». С детства мы с отцом учили ее рассчитывать только на свои силы. В четырнадцать лет она попала в пионерлагерь «Артек». Там Дана напросилась на операцию. Мы с отцом и не знали о ее планах. У нее тогда на лице появились несколько бородавок, это ее портило и сильно огорчало. Уже в «Артеке» она отпросилась у вожатой в больницу и ушла по горной дороге за два километра одна.

Мама с гордостью рассказывала своей сестре историю о моей самостоятельности. Я и сама ее в деталях до сих пор. По дороге из «Горного Артека» я пришла на окраину Гурзуфа, там же нашла больницу, которая находилась в двухэтажном здании. На двери кабинета заведующей висела табличка «Свет Фаина Григорьевна», я постучалась и сказала:

– Здравствуйте, Фаина Григорьевна! Я хочу вас попросить отправить меня на операцию по удалению бородавок.

Заведующая удивленно посмотрела и ответила:

– Я не могу этого сделать, ты несовершеннолетняя и не можешь принимать таких решений без согласия родителей. Отдыхай! Ты же приехала на отдых. Лечиться будешь у себя.

– Думаю, что родители не будут против, – решительно заявила я.

– Откуда я это могу узнать, девочка моя? – сомневаясь, парировала доктор Свет.

Я могла быть иногда очень настырной, и это качество проявилось:

– А если им дать телеграмму или позвонить? Они обязательно согласятся. У нас в Оренбурге не делают таких операций, а я уже не могу ходить с бородавками. Пожалуйста, не отказывайте мне, очень Вас прошу!

Фаина Григорьевна прониклась проблемой девочки-подростка и решила похлопотать обо мне перед ялтинскими врачами. Она коротко скомандовала:

– Хорошо, диктуй адрес.

Через три дня после моего похода в Гурзуф, в лагерь приехала машина скорой помощи. Из нее вышла Фаина Григорьевна и направилась в наш корпус. Увидев меня, она сказала:

– Дана, я получила телеграмму с согласием. Правда, ответ был немного странный. Скорее всего они растерялись, узнав, что тебе нужно делать операцию. В телеграмме было написано: «Согласны, если согласна дочь».

Мне это напомнило: «Казнить нельзя помиловать», но запятая стояла – и вопрос решен.

– Ну, что, «дочь», не передумала? – подмигнув, спросила она.

– Я готова ехать хоть сейчас, – обрадовалась я.

– Вот и отлично, иди за необходимыми тебе вещами и спускайся к нам. Мы тебя ждем в машине. Операцию будут делать в Ялте... – сказала доктор.

Быстро собрав вещи, я вернулась. В скорой сидела Фаина Григорьевна. Машина тронулась с места и поехала. Фаина Григорьевна повернулась ко мне и спросила:

– Не боишься?

– Нет, – звонко ответила я.

Когда она отвернулась, мне становилось все страшнее и страшнее. Жалея себя, я тихо плакала за спиной доктора. Слезы предательски катились по щекам. Я щипала себе руки, кусала губы, сглатывала подкатывающий ком в горле, мне не хотелось выдать себя.

– Ты не плачешь там? – не оборачиваясь, изучая мое лицо в зеркало, спросила Фаина Григорьевна.

– Нет, и не думаю, – бодро отвечала я.

– Вот и хорошо! – спокойно сказала Фаина Григорьевна.

Машина остановилась у крыльца хирургического корпуса ялтинской больницы, мы вышли из машины. Врач по-матерински обняла меня и прошептала на ухо:

– С Богом, девочка моя!

– Спасибо Вам, Фаина Григорьевна! – я прижалась на прощание к ней. Вдали от дома эта добрая женщина заменила мне всю родню.

В операционной стояла группа студентов, медсестра сделала местную анестезию. Врач включила прибор «электрокоагулятор» и начала прижигать бородавки. Запахло паленым мясом. Я чувствовала, как они падали с меня. Процедура прошла быстро и безболезненно.

Студенты, во главе с доктором, на ходу обсуждая операцию, удалились. Персонал тоже покинул операционную, оставив меня на столе одну. Будучи любознательной девочкой, я решила посмотреть на обугленные бородавки. Увиденная картина заставила вздрогнуть. Воспитанная бабушкой, у которой все сопровождалось ритуалами и молитвами, я поплевала на бородавки через левое плечо и прошептала:

– Бисмилляхи Рахмани Рахим! Никогда ко мне не возвращайтесь!». В операционную вошли медсестры с каталкой и повезли меня в палату. Глядя в зеркало, я успела пожалеть о случившемся. Из зеркала на меня смотрело припухшее лицо с зелеными пятнами и обугленными черными точками.

Через час после операции моё настроение изменилось. В палату зашла медицинская сестра с огромной коробкой в руках и радостно спросила:

– Где здесь Дана из Артека? А, это ты? Тебе посылка от дружины «Хрустальной»!

От неожиданности я тихо произнесла:

– Спасибо!

Когда я осторожно приоткрыла коробку, то очень удивилась ее содержимому. Там были конфеты, печенье, шоколадки, яблоки, ананасы, мед в сотах, груши, апельсины, мандарины. Вся палата и медсестры угостились... Это было невероятное пиршество! Дослушав рассказ сестры, тетя удивлялась. Она фактически меня и не знала. Сказывались четырнадцать лет разницы в возрасте и то, что Марьям училась далеко от дома, а потом вышла замуж. Когда во время своих разводов она приезжала в село, то была занята своей личной жизнью, а потом и я уехала учиться за 400 км от дома.

Глава 3

Первого февраля наш поезд прибыл на Казанский вокзал, его суэта возбуждала и пьянила меня. Я чувствовала, как сумасшедшая энергетика мегаполиса заряжается уже здесь, от каждого прибывшего человека. Первыми задавали тон всюду снующие люди: носильщики и таксисты. Они торопили всех, предлагали свои услуги, ругались между собой. В то же время, путались под ногами и мешали движению на перроне. Пассажиры, пытающиеся быстро пробежать ко входу в метрополитен. Потом они разносили по городу нервный импульс вокзала. Меня никто не встретил. Подстраиваясь под общий темп и ритм, вместе с лавиной новичков я летела навстречу будущему.

Метро всасывало в себя все потоки от трех вокзалов и несло вдаль, в огромный людской океан столицы. Там каждый из нас со временем или почувствует гордость от этого величия, от себя в нем, или, наоборот, разочарование. Возможно, он испарится, не сумев преодолеть преграды на своем пути. Энергия иссякнет, так и не осуществив его заветную мечту – покорить Москву.

Я доехала до станции «Спортивная», где меня встретила девочка лет десяти, ее звали Карина, она была племянницей одной из моих студенческих подружек. Ее маму звали Сандугаш, с ней мы пока еще не были знакомы, но, несмотря на это, она не отказалась помочь мне с жильем на первое время. Мы с девочкой подошли к одному из многоэтажных домов, квартира находилась на первом этаже. По дороге девочка вводила меня в курс дела:

– Все три комнаты заселены людьми, здесь живет 30 человек. Квартиру когда-то снял таджик по имени Одил, он заселил ее «под завязку». Мы все спим на полу, матрас к матрасу. По утрам можно с соседом поздороваться пятками. Все называют его хозяином. Он нигде не работает, только следит за квартирой. Снял он ее за сорок тысяч рублей, а собирает сто двадцать. Не выходя из квартиры, он имеет свои семьдесят тысяч рублей.

– А матрас он выдает? Я же с собой не привезла, – задумчиво спросила я у малышки.

– Нет, матрас нужно купить самой, я покажу, где продаются дешевые, – деловито ответила девочка.

– За такие деньги мог бы всем матрасы сам купить. Ладно, вещи занесем и сходим в магазин. А кровати у кого-нибудь есть?, – в очередной раз я задала наивный вопрос.

Карина ответила:

– Что вы? Куда их ставить? У нас, как в загадке, «полна горница людей».

Девочка заливисто расхохоталась.. Мне даже не приходило в голову, что я когда-нибудь буду спать на полу, среди кучи народа.

Меня растили как принцессу: своя комната, большая кровать с периной, огромные подушки с кружевными наволочками, теплые шерстяные одеяла. В холодильнике стояла трехлитровая банка с черной икрой. Я ее ела серебряными ложками. Мы каждое лето отдыхали на море, а теперь... Мне предстояло познакомиться с другой жизнью, которая будет проходить на полу, станет называться в этом кругу «половой».

Даже в деревне, когда я считала себя бедной, я не была ниже того условного «плинтуса», где оказалась сейчас. Помню, моя свекровь удивлялась тому, что я многое не могла есть, отворачивалась и морщила нос, когда ее дети ели ливер, или что-то еще, чего на нашем столе никогда не было. В Москве у меня оставались только два варианта развития событий: либо привыкать к этой жизни и принять ее, либо бороться с обстоятельствами и переводить себя, свою семью на другой качественный уровень. Отступать не хотелось, вариант с возвращением я пока не рассматривала. На тот момент я представляла себя карточной дамой, той, которая была вниз головой. Но я очень надеялась на то, что мое отчаянное положение продлится недолго, что судьба перевернет меня, и я снова буду крепко стоять на ногах.

– И малое станет большим, и большое – малым! – говорила я себе снова, как мантру. Первым делом я позвонила тем, кто мне предложил приехать и работать в их газете. Разговор с ними мне показался неконкретным. Перспективы становились еще более мутными. Вывод был один: люди необязательные, идти к ним уже не стоит. В комнату вошла девушка и представилась:

– Привет, меня зовут Сандугаш. Моя дочь уже провела «курс молодого бойца»? – Да, немного, – улыбнулась я.

Квартира стала наполняться людьми,. Мне это напоминало муравейник, который когда-то насекомые соорудили у меня во дворе, под вишней. Мы с маленьким сыном по вечерам подходили к нему, чтобы понаблюдать за ними.

По известным им дорожкам, муравьи бежали к себе, таща домой добычу. Более заметными в траве были те, кто нес на себе маленькие белые шарики личинок тли, которых они использовали, как коров. Утром они выносили их из муравейника и оставляли на листочках деревьев, чтобы те «паслись». Вечером – приносили домой, чтобы высосать из них накопившуюся за день медвяную росу.

В московской «трёшке» собрались те, кто работал на разных тяжелых работах. Как те муравьи, они возвращались домой с белыми пакетами, полными полуфабрикатов. Наш «муравейник» верещал на русском, узбекском, таджикском языках. «Это коммунальная, коммунальная квартира... собирается братва, тетя Маша варит кашу, ждет Гюльнару бастурма. Цукерман мацу заводит, Гоги делает шашлык, А оленевод Бельдыев – строганину и балык», – пела когда-то группа «Дюна». У нас было очень похоже на это.

Сначала все друг за другом прибегали с работы, потом шли на кухню. По комнатам растекались вкусные запахи. С кастрюльками, сковородками и мисками «по норкам» разбредались жильцы. В каждой комнате стелился достархан (скатерть), и соседи одной семьей ужинали, делясь друг с другом едой, впечатлениями за прошедший день, подбадривая и поддерживая друг друга. Слово «достар» означает «друзья». Достархан объединял нас и сплачивал. Благодаря ему, тридцать человек, даже в самых стесненных условиях, жили спокойно и мирно. Шумная атмосфера общежития мне не мешала. Напротив, я с интересом вживалась в коллектив. Здесь для меня начиналась новая жизнь, что называется, с «чистого листа». Именно так, еще ребенком, я представляла себе вечер в многодетной семье, каких было когда-то много в моем селе.

Жила там семья, у которой было десять детей. Учились они тогда почти в каждом классе. Только старшие братья осваивали профессии в училищах города. В выходные семья собиралась в доме. В одну из суббот старший брат привез с собой в гости друга. В этом шумном балагане отец семейства не увидел гостя. Пересчитав уснувших детей по головам, он закрыл дверь на щеколду и лег спать. Среди ночи в его окно постучали. Глава семейства спросил в форточку:

– Кто там?

Ответ удивил его.

– Ахмет, – сказал чей-то знакомый голос.

Растерянный родитель спросил:

– Чей Ахмет?

Из темноты ему ответили:

– Твой Ахмет.

Что-то не сходилось, в доме уже было десять детей, и мужчина раздраженно ответил:

– Мой Ахмет дома.

Не открывая стучащему дверь, он снова лег спать. Через некоторое время стук повторился, и мужчине пришлось вновь встать и пересчитать всех, осветив их лица фонариком. С удивлением обнаружив среди спящих одно чужое лицо, отец впустил в дом родного сына.

Долго, как анекдот, гуляла по деревне история про Ахмета и его отца. Мне, часто находившейся дома в одиночестве, иногда хотелось пожить в такой семье, побыть среди множества родных, где тепло и душевно. Поглощая в тишине одну за другой книги, я представляла себя то принцессой, то путешественницей, то Жанной д'Арк. Моя подруга Айна поинтересовалась однажды, что я читаю на этот раз. Не поясняя, не вдаваясь в подробности, сказала ей, что «это Вальтер Скотт». Она, вспомнив, что уже это имя от меня не раз слыхала, хихикнула:

– Ты так медленно читаешь?

Удивившись тому, что она вообще запомнила это имя, я сказала:

– Сейчас читаю двадцать первый том.

Не расслышав меня, она разинула рот от удивления и восхищенно воскликнула:

– 21 тонну? А я даже килограмм не прочитала!

– Том, а не тонну! – смеясь, поправила ее я.

Мое детское желание почти исполнилось. Я вышла замуж за парня из многодетной семьи. Неожиданно для себя, оказалась в таком же «муравейнике», среди его родственников: бабушки, родителей, братьев и сестер. Вечером, от общения с ними, от гомона шумной семейки, моя голова раскалывалась, как сухой орех. Это было настоящим испытанием, первым стрессом семейной жизни. Поэтому шум в московской квартире я переносила легко.

Здесь поселились люди из разных стран. Они были разных национальностей и вероисповеданий. Это напоминало мне Советский Союз в миниатюре, который развалился юридически, но, в реальной жизни, мы продолжали жить в нем и тянулись друг к другу, как раньше. Когда-то самые активные студенты нашего ВУЗа получили путевку в Киев, в международный молодежный лагерь «Мир». В этой компании оказались и мы: Глянцева Ирина, Зиновьева Мария и я. Нашу тройку частенько замечали: мы занимались в научных кружках, играли в КВН, занимались общественной деятельностью. В лагере мы оказались на семнадцатом этаже, по соседству со студентами из Мадагаскара. Через несколько дней соседи, с тортом в руках и гитарой под мышкой, постучались в нашу дверь. Ребята учились в авиационном военном училище, звали их Жан Филипп Лерира, Матье и Лулу.

В разгар нашей беседы Жан подошел к моей тумбочке и взял в руки географический атлас, по которому я учила заданную номенклатуру. Он открыл пособие на той странице, где была карта СССР, и сказал:

– О, у вас очень большая страна! Ею сложно управлять, поэтому у вас нет порядка. Вам нужно ее разделить.

Чтобы показать наглядно, он ребром ладони начал резать по ней. От этой наглой выходки иностранца мы помрачнели. Позабыв о дипломатии, три комсомолки, патриотки своей страны, сделав «руки в боки», стали доказывать, почему этого делать нельзя, опираясь на свои знания в области экономической географии. Девчонки и я были готовы всячески отстаивать свою Родину. Если что, мы могли бы даже побить иностранных гостей. Слава Богу, до этого не дошло! Спустя несколько лет Союз развалился – почти так, как «пилил» его Жан. На этот раз нас никто уже не спрашивал.

Бросив свои дела, мы с тревогой сидели у экранов телевизоров и смотрели прямые трансляции заседаний Съезда народных депутатов. Самым ярким было заседание в декабре 1990 г., когда хрупкая женщина не побоялась с трибуны заявить о непорядочности Горбачева и призвала депутатов отправить его в отставку. Никто не поддержал ее. На весь депутатский корпус смелой оказалась одна чеченская женщина, Сажи Умалатова.

Потом случился развал Советского Союза, Из-под руин «колосса» грабилось и растаскивалось все ценное, созданное советскими людьми. О нас никто не собирался думать. В регионах, республиках, городах, селах народ, оказавшийся на краю экономической пропасти, пытался самостоятельно выживать. Это было страшное время, потому что стало временем перемен. Так трудно еще не было никогда. Мы с соседкой, Анной Ивановной, обсуждали про-

исходящее. Она не понимала, почему ей, родившейся в 1912 году, сейчас было страшнее, чем в годы войны.

– Это не потому, что я тогда была глупее, чем сейчас, но объяснить свой страх не могу, – говорила она тогда.

Меня осенило:

– Анна Ивановна, тогда вы ждали светлого будущего. Вам обещали, что «враг будет разбит, победа будет за нами». А сейчас нам говорят, что будет еще хуже, нужно затянуть пояса, и никто не знает, когда этот период закончится и кому нужно бить по этому поводу морду.

Народ переживал гибель родной страны. Сидя у экранов телевизоров, он скорбел и не замечал, как внутренние враги тихо уничтожали села, малые города, рабочие поселки, хутора.

Первым в нашей округе от рук таких деятелей «пало» село Гусиха, которое располагалось между водоразделами двух великих рек, Волгой и Уралом. Мало кто знает, что в есть такое место на Земле, где между Волгой и Уралом – всего лишь около 12 км.

Гусиху освободили от жителей быстро, за неделю, будто спасаясь от агрессора. Переселение в центральную усадьбу совхоза прошло организованно и очень тихо, без суеты и скандалов. В один миг осиротели новые панельные дома, построенные коммунистами в конце 1980-х. Опустили любимые пенсионерами лавки, замолчали птичьи и скотные дворы. Обезумевший от тишины ветер безнаказанно мотал взад и вперед оставленные открытыми калитки. Пустые глаза-окна с тоской смотрели вслед уезжавшим хозяевам, словно понимая, что их век оказался очень коротким. Когда-нибудь он бесславно закончится в зарослях побеждающего жизнь бурьяна, под паутиной безнадежности. Могильная тишина звенела над опустевшим селом. Разом прекратились ребячий гомон, побряхтывание работяг, ворчание стариков. Стоном оборвался бабий залихватый смех. Звуки жизни потерялись в клубах дорожной пыли, поднятой нагруженными скарбом грузовиками. Лучшее, что ожидало опустевшие дома, если кто-то расторопный разберет их на строительный материал и увезет продавать, или же сам начнет строительство нового дома в другой деревне, давая вторую жизнь кирпичам и плитам.

Такой человек нашелся неожиданно быстро. Сельчане недоумевали:

– Откуда у него столько денег? Мы-то еле сводим концы с концами.

О новом владельце все только слышали, но ни разу не видели. Этот человек был не из местных. В некоторых головах возникал другой вопрос:

– Это реальный человек или скрывавшаяся за чьей-то спиной банда?

Пока он не объявился, некоторые проворные мужики стали делать вылазки в Гусиху, чтобы поживиться там досками, кирпичами, оконными рамами. Две машины все-таки удалось вывезти, но на третий раз грабителей поджидал сюрприз...

Когда они дружно стали ломать кирпичную стену одного из домов, на громкий звук вышел розовощекий коренастый мужичок с солидным животом, с приподнятыми от удивления пучками бровей на опухшем от сна и алкоголя лице.

Это был «Карлсон, в самом расцвете сил», а, точнее, его копия. Внешнее сходство с мирным и веселым персонажем любимой детской книги расслабило местных деятелей. Они ошибочно предположили, что это кто-то из родственников односельчан и решили, что его можно проигнорировать. Мужики продолжили начатое дело.

Пиджак малинового цвета создал обманчивое впечатление о своем хозяине. Сельчане пока не знали, что этот предмет гардероба станет символом эпохи.

90-е только наступили. Мужиков ничего не насторожило в нем. Они вскользь глянули на чудака и продолжили спокойно носить кирпичи в машину. Опешив от их наглости, «Карлсон» полез в карман своего пиджака и достал пистолет. Он хрипло крикнул:

– Стоять!

Подчинившись приказу незнакомца с пистолетом, мужчины остановились. Но, посмотрев на него, прыснули от смеха. Их рассмешили короткие пальцы-сосиски, сжимающие рукоять оружия.

Все, что с ними происходило, со стороны выглядело комично, неправдоподобно. Но когда они увидели указательный палец, зависший над курком, и заглянули в его ледяные глаза, им стало не до смеха.

Первой командой этого человека было:

– Стройся!

Наступила тишина, от которой у трех крестьян пробежал холодок по спине. Немного потоптавшись, они поняли, что «пиджак» не шутит и может пальнуть в любой момент. Крестьянам пришлось построиться.

Уверенный в том, что сельчане достаточно напуганы и готовы выполнять его следующие команды, мужчина приказал:

– Направо! Шаго- о-ом-м-арш!

Мужики, уже не глядя друг на друга, повернулись направо и стали маршировать. «Командир» очертил пальцем вокруг себя, как бы показывая, как они должны маршировать.

Сделав несколько кругов вокруг пьяного «генералиссимуса», марширующие получили следующую команду:

– Песню запевай! В голову не лезла ни одна пригодная для марша песня.

Вращавшийся на пальце пистолет производил свое магическое действие. Один мужчина с надрывом почему-то запел:

– Сиреневый туман над нами проплывает...

Похоже, что это было единственным, что он вспомнил. У двоих затеплилась слабая надежда, что «командующий парадом» протрезвеет и прекратит над ними издеваться. Понурился, они молча продолжали шагать по кругу за поющим. На толстом указательном пальце крутился пистолет.

Призрачный «туман» развеялся. Следующий приказ реального командира в малиновом:

– Пойте «Интернационал»!

«Отряд» начал чесать затылки, пытаясь вспомнить хоть кусочек текста. Ни одна строчка не приходила в пустые от страха головы. Впрочем, направленное на тебя черное дуло пистолета хорошо освежает память, и строчки, одна за другой, выстраивались в головах сельчан.

Нестройно, спотыкаясь на рифмах, они запели наконец-то «Интернационал» и вновь пошли маршем по кругу:

Вставай проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов...

Пьяный «дирижер» размахивал своим пистолетом и, довольный собой, наслаждался властью над безоружными людьми.

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской

– с чувством пели крестьяне.

Триумф «маленького» человека достиг своего апогея.

Общество начинало привыкать к расслоению общества на бедных и богатых, к дулу пистолета и унижениям. Откуда взялись «малиновые пиджаки»? Как они могли вырасти в советской школе, где всегда говорили о «равенстве и братстве»? Словно кто-то нам позавидовал и наложил на всех китайское проклятие:

– Чтоб ты жил в переходные времена!

Самые отчаянные покидали насиженные места и уезжали на заработки.

– Хорошо, – спокойно ответила я. Второй вопрос, который интересовал Сандугаш, судя по тому, как все притихли, и не только ее:

– Муж у тебя есть?

– Нет, я уже восемь лет вдова, – сказала я.

В разговор вступила соседка, которая сидела напротив:

– Меня зовут Марина, я из Чувашии, и у меня самая распространенная в мире фамилия – Кузнецова.

– Сколько у тебя детей? Они тоже приедут в Москву? – спросила Марина.

– Двое. Они уже студенты. Пока дети остались в Оренбурге, потом посмотрим, – рассказывала о детях я.

– Сюда едут в основном одиночки. У меня тоже двое. Они остались с матерью. Муж пил и нигде не работал, терпела его долго, «до поры, до времени». После одного случая погнала его «поганой метлой», – начала свою историю Марина.

– Ты нам не рассказывала. Что это за история? – заинтригованно спросила Сандугаш, сев поудобнее.

Женщина рассказывала нам о другой своей жизни, которую иногда выпускала в свою новую реальность:

– Ой, мы тогда в Козловке жили, я торговала на рынке мясом. Работы у мужа не было, он сидел дома с детьми. Им было три и четыре года, они – погодки. Пока он спал перед телевизором, эти две маленькие «шкоды» достали у него спички из кармана и устроили пожар. Они подожгли подушку отца. Перепуганный запахом горевших перьев, он уронил ее на синтетический палас. Потом загорелся и он. Что же сделал этот падла? Он прибежал ко мне на рынок с телевизором в руках, оставив детей одних в горящей квартире. Вынес самое ценное для него – телевизор! Спасибо соседям, они и огонь потушили, и пожарных вызвали, и детей забрали, после этого видеть его не хочу!

– А сколько ты уже в Москве?, – поинтересовалась я.

– Три года уже, – ответила Марина.

– А ты давно приехала? – задала я вопрос другой соседке.

– Меня Верой зовут. Я здесь почти десять лет. Марина говорит, сюда одиночки едут, а у меня хороший муж, но не от него я уехала из Луганска в Москву, – с грустью вспоминала Вера.

– Тебе пришлось это сделать? – любопытствовала я.

Вера продолжала:

– Меня тогда назначили директором одного из крупных магазинов Луганска, я с радостью согласилась, мне было тогда тридцать два года, была наивной дурочкой. Думала, «горы сверну», возомнила себя самой умной, хваткой, гордилась, что оказали доверие. А меня тогда просто назначили, для того, чтобы потом подставить, «повесить» на меня долги, причем, очень круглую сумму по тем временам. Когда прокуратура начала разбираться во всем, я почувствовала неладное, и тут же уехала в Москву, оставив мужа и детей.

– Все пути ведут в Москву, – задумчиво произнесла Марина, вспоминая истории разных людей, которых пришлось повстречать здесь за три года.

Вере хотелось закончить свое повествование:

– А муж мой приехал за мной, сейчас он дачу одной состоятельной семьи охраняет. Я езжу к нему в выходные, у них же и подрабатываю: убираюсь на даче, готовлю их семье, когда они приезжают. Теперь я – домработница с высшим торговым образованием.

Грустно вздохнули еще несколько человек. Мне же вспомнилась казахская пословица, которую я пересказала девочкам: «Работать – не стыдно, стыдно – не работать». Есть еще одна пословица: «Хоть под хвостом у осла мой, но деньги зарабатывай, только милостыню не проси».

– Слава Богу, у вас есть работа, девочки! – сказала я.

– Не волнуйся, и ты найдешь, – успокаивала меня Марина.

пересказала девочкам: «Работать – не стыдно, стыдно – не работать». Есть еще одна пословица: «Хоть под хвостом у осла мой, но деньги зарабатывай, только милостыню не проси». – Слава Богу, у вас есть работа, девочки!, – сказала я. – Не волнуйся, и ты найдешь, – успокаивала меня Марина.

Второй день прошел безрезультатно, я обошла все палатки, магазины, кафе, рестораны на стадионе «Лужники» и во всем районе вокруг него. Когда вернулась в квартиру, Одил встретил меня настороженно, с вопросами:

– Как сходила? Устроилась? У тебя есть деньги в запасе? Если за следующий месяц не сможешь заплатить, то тебе придется уйти.

Не глядя ему в глаза, сдерживая раздражение, ответила ему:

– Это только первый день. Что ты паникуешь раньше времени?.

– Вон Дилияфруз уже четыре месяца сидит без работы. Хорошо, хоть сын у нее работает, – не унимался таджик.

Меня это начинало выводить из себя.

– В отличие от меня, она – не россиянка, и образования у нее нет, – обрубил его στε-
нания я.

Одил, уходя в свою комнату, ехидно добавил:

– Россиянка! Посмотрим, что у тебя получится! Вечером парни из соседней комнаты, работавшие грузчиками на «Лужниках», приходили раньше других жильцов. Их рабочий день обычно начинался в четыре утра. Девочки, с которыми мы жили в одной комнате, были еще на работе. В нашей комнате были я и Карина. Она недавно вернулась с занятий. Мы болтали с ней на школьную тему. В комнату постучался и тут же вошел молодой человек. Его звали Чори.

– Здравствуйте, как ваши дела? Вы нашли работу? – спросил он.

– Пока ищущу, – с грустью отвечала я.

– Я думаю, что найдете, вы – грамотная, да еще – россиянка, – успокаивал меня молодой человек.

– Да, буду искать дальше, вы же смогли найти работу. Я хотела бы спросить об одном, только не обижайтесь на меня. Вы все говорите с сильным акцентом, вы в школе учили русский язык? Проснувшаяся во мне журналистка уже брала интервью у трудового мигранта.

Чори рассмеялся, но охотно ответил:

– Нет, очень мало слов знал. Когда Союз развалился, русский язык у нас не был. Я, когда приехал, работал сначала стройка. Мужики перед обедом отправили меня за хлебом, сказали, купить 14 булка хлеба. Пока дошел до киоск, забил слово «четырнадцать», но вспомнил «пятнадцать». Пришел и продавщицу просиль, положить в пакет 15 штук, потом убрать одна. Она сразу понял, что я не знал слово и смеялся. Тут расхохотались и я, и Карина. Дверь в комнату была открыта. Другой парень из соседней комнаты, услышав рассказ Чорибоя, тоже пришел пообщаться с нами. Бобур рассказал, как он изучал русский язык: – А у меня тоже был такой история. Мне тоже отправили в магазин дядя, купи, гаварит курица, Я пришел супрмаркыт, курица не нашель, искаль, искаль магазин, не вижу курица. Нашель яйца, взяль один и гавару

продвец: «Где его мама?» Он смеялся, чуть пол не падал. – Ой, это очень смешно, ребята! – вытирая слезы от смеха, сказала я. Я сомневалась в том, что это было с ним, а не анекдот. Мне показалось, что Бобур пошутил, для того, чтобы нас с Кариной рассмешить.

Тут в комнату заглянул еще один мальчишка, тоже грузчик, по имени Хуррам, и спросил: – Дана-хон, мне званиль брат, просиль приехать к нему, он работат стадион СИСКА, вы не знаит, где это?

– Чувствую, вечер юмора продолжается, еще раз скажи название стадиона, – давась от смеха, попросила его я.

– СИСКА, – громко повторил парнишка.

Все присутствующие уже валялись на полу от смеха, дергаясь в конвульсиях. Я была в их числе.

– Не могу понять, повтори еще раз, – пропищала я.

Хуррам смущенно стоял и ждал. Тем временем, я прокручивала в голове варианты разных слов, похожих на «сиска»: соска, суска, сыска, цыска, ЦСКА.

– Ура, кажется этот стадион называется – ЦСКА. Спроси у него название станции метро, а там уже будешь искать Ц-С-К-А! А вообще, ребята, не обижайтесь на меня за смех. Вам простительно, вы приехали из другой страны, делаете успехи, учите язык. Есть те, кто живут в России всю жизнь и говорят с акцентом. Мой свекор, например. Однажды, он рассказывал моей маме, что лечится от своих болезней «женщином», я обалдела от услышанного. Ведь я так и подумала сначала, что женщиной человек лечится, а потом оказалось, что женишем. Или на свадьбе дочери он решил блеснуть красноречием, поздравить молодых по-русски, и сказал: «Дорогие дети, поздравляю вас с законным браком и дарю вам спальный гарнитур. Пусть он вам будет пухом!». Это он перевел пожелание с казахского, которое в оригинале звучит так: «Пусть он будет для вас мягким и удобным, как перина из лебяжьего пуха!» Все, сидящие за столом, сначала смутились, потом кто-то поперхнулся, кто-то подавился и все смеялись, – рассказывала я, стараясь загладить перед ними вину за свой смех.

В прихожей послышались голоса вернувшихся с работы девочек. В квартире стал собираться народ. Вдруг, в этой шумной суете, прозвучал, непохожий на предыдущие, настойчивый звонок. Кто-то долго и требовательно нажимал на кнопку. Всем стало тревожно. Дверь все-таки открыли, и в прихожей зазвучал непривычно громкий, сочный баритон без акцента. Незнакомец поздоровался. Народ затих и насторожился.

Карина тут же юркнула за штору, успев сказать:

– Это участковый! Хорошо, что мама пока не пришла.

Громкий голос участкового командовал:

– Все с паспортами выходите в прихожую! Не прячьтесь! Я все равно буду обходить все комнаты. Его интонации напомнили мне сцену из старого фильма про концлагерь, в которой таким же тоном отдавали приказы заключенным.

«Я – россиянка, нахожусь в своей стране, мне бояться нечего!» – с этими мыслями я вышла в прихожую.

Там уже выстроилась толпа мигрантов. Рослый участковый восседал на стуле. Жильцы покорно подходили к нему с документами. У него в руках уже была солидная кipa их паспортов. Собрав их, он встал и решил выходить.

– Вы не имеете права забирать у нас документы, это незаконно. Верните немедленно мой паспорт! – возмутилась я.

Разозлившийся страж порядка прошипел мне в лицо:

– Здесь закон – я. Придешь в участок вместе со всеми, там и поговорим.

– Верните мой паспорт! – требовала я.

Меня никто не слушал. Участковый вышел с кипой паспортов. Соседи молча оделись. Один за другим, они понуро следовали за ним. Эта картина напомнила мне о «гаммельнском

дудочнике», который, под звуки своей дудки, сначала очистил город от крыс, а, когда с ним не расплатились, увел городских детей неизвестно куда. В полицейском участке стояла толпа мигрантов, не решавшихся первыми зайти в кабинет. Пришлось это сделать мне.

– Почему вы забрали мой паспорт? – решительно вопрошала я, уверенная в себе и своей правоте.

Игнорируя меня и мой вопрос, он разглядывал какие-то бумажки. Потом задал вопрос:

– С какой целью приехала в Москву?

– Во-первых, прошу обращаться ко мне на «вы». Я – россиянка, имею право свободно передвигаться по своей стране, а Москва – столица моей Родины. Собираюсь найти здесь работу! – раздраженно ответила я.

Словно не слушая и не слыша меня, участковый продолжал задавать вопросы:

– Кто ты по профессии?

– Почему вы со мной продолжаете говорить на «ты»? У меня два высших образования. Между прочим, я – педагог и журналист, и требую к себе уважения! – вновь воспитывала его проснувшаяся во мне училка.

Оторвавшись от листка, он внимательно посмотрел на меня и уже потеплевшим голосом заговорил:

– Ну, извините... Журналистов тут до фига, а педагогов не хватает, советую идти в школу. У себя, в Оренбурге, кем работали?

– Учителем – двадцать лет, и год была редактором газеты, – отрапортовала я.

– Почему здесь оказались? Мало платили? Или «разгонять тоску» приехали? – лукаво улыбаясь, спросил мужчина.

– У меня восемь лет назад умер муж. Есть двое детей, которые учатся в институте. На учительскую зарплату двух студентов не потянуть, вот и приехала в столицу. Мне не до веселья, но и тосковать было некогда... – с грустью произнесла я.

– Сможешь заплатить мне две с половиной? – вкрадчиво спросил собеседник.

Интуитивно почувствовав его глубоко спрятанную под грубую форму полицейского доброту. Она уже давно не давала о себе знать, с тех самых пор, как он стал УЧАСТКОВЫМ. Я расслабилась. Участок в Москве для некоторых полицейских – это не просто работа. Это хороший бизнес, приносящий ежедневный доход от гастарбайтеров, от предпринимателей и прочих источников, и даже от таких россиян, как я. Должность развратила многих. Решив перевести наш разговор на юмор, я сказала:

– За эти деньги, я в своей оренбургской степи, воробья до смерти загоняю! Если честно, то у меня нет денег. Что было я отдала на билет, за квартиру, купила проездной и оставила немного на еду.

Участковый улыбнулся, он уже и не ждал от меня денег:

– Хорошо, пока не возьму с тебя, чуркам ничего не говори. Скажи, что заплатила. Ты же не глупая женщина и понимаешь, что я не один с этого имею...

– Не скажу... – согласилась я и покинула его кабинет.

Узбеки тут же спросили, взял ли участковый с меня денег или нет. Мне пришлось им соврать.

На следующее утро девочки, как обычно, собирались на работу. Я лежала на своем месте, не мешая им. Соседка-узбечка, работавшая в кафе помощником повара, сказала, что хозяин ищет еще одну работницу, и оставила мне адрес кафе. Немного погодя, я пошла искать кафе на территории стадиона «Лужники», а когда нашла, то подошла к хозяину-азербайджанцу и спросила у него про вакансию. Мужчина был примерно моим ровесником. Следы прежде роскошной шевелюры кучерявились вокруг его большой лысины, полное лицо блестело от выступавшего через поры жира. Шеи не было, только выпирал большой живот. Толстые ножки-столбики завершали картину.

– Ты кто по нации? Документы нормальны? Что умеешь? – спросил азербайджанец.

– Я – казашка, россиянка, с документами проблем нет. В общепите не работала, но готова научиться, согласна даже мыть посуду... – глядя в глаза, тараторила ему я.

– А-а-а, не подходит! – растягивая слова, говорил самодовольный азербайджанец.

– Почему? Вам не нужен честный, старательный работник? – удивилась я его отказу.

Почесав в затылке, он нехотя, отвечал на мой вопрос:

– Нэ, дела не в этом... Ты же – россиянка. Мы не берем россиян. Ты придешь суда, а потом права будэш качать. Узбеки, таджики, киргизы – мне лучше. Они не ругаются, молча работают. Россияне мне не надо, они любят скандал! Этими, казалось, негрубыми словами, он словно вышвырнул меня из своего кафе.

После нашего разговора меня смутила находка. На той же улице, недалеко от кафе, на асфальте сиротливо лежал маленький флаг Российской Федерации, выброшенный после очередного футбольного матча. Своей ненужностью он был похож на меня, и потому мы оба встретились на этой улице холодные и замученные. Бережно подобрав его, я принесла триколор в квартиру и повесила над своим изголовьем. Соседи-мигранты с удивлением наблюдали за моими действиями. Было уже поздно, многие укладывались спать. Я лежала на своем месте, рядом с Сандугаш, которая отсыпалась в свой единственный за эту неделю выходной. Мне стало тревожно.

– Ничего не получается, денег осталось, как «кот наплакал», но в деревню не вернусь! – думала я.

Стало очень жалко себя, детей. Безрадостные перспективы будущего пугали. В них я видела себя несчастной, грязной, оборванной, в толпе бомжей, роющейся вместе с ними в вонючем мусорном контейнере. От таких мыслей стало мутно. Лежа на своем матрасе, стараясь не привлекать к себе внимания, я горько плакала в подушку. От моих всхлипываний проснулась Сандугаш и толкнула в бок:

– Не реви, Москва слезам не верит!

Меня это быстро успокоило, да и жалеть себя – не в моих правилах. В прихожей послышались крики и плач. Все выскочили из своих комнат. Абдувакиль бил свою жену Матлюбу. Все происходило, как в немом кино. Периодически были слышны глухие звуки и тихие охи Матлюбы. Женщина сидела в углу прихожей, смиренно принимая сыпавшиеся удары. Спрятав лицо в колени, она закрывала голову тонкими, как у подростка, ручками. Кулаки Абдувакиля опускались на почти неслышно всхлипывающую женщину. Мужчины молча наблюдали за происходящим, женщины тоже вышли из своих комнат и стояли рядом с мужьями, «набрав в рот воды». Не дождавшись завершения экзекуции, я перехватила руку Абдувакиля и закричала на него:

– Прекрати ее бить, иначе, я вызову полицию!

– Уйдите, я не посмотрю на ваш возраст, ударю и вас, – гневно сверкая глазами, крикнул он мне в ответ.

Сделав шаг вперед, спокойным тоном, я сказала ему:

– Попробуй! Я нахожусь в своей стране, а ты сядешь в тюрьму в чужой. В отличие от других, я не побоюсь вызвать полицию и не позволю тебе бить женщину. Мужчины не хотели проблем с полицией. Они быстро успокоили Абдувакиля.

Один из ребят, по имени Рашид, подошел ко мне и спросил:

– Зачем вы вмешиваетесь в их семейные дела? У нас так не принято.

– А у нас не принято стоять в стороне, когда совершается преступление. Это что же, по-вашему, надо было допустить, чтобы он ее убил, или сделал инвалидом? У нее в Таджикистане осталось двое детей, которые ждут свою маму живой и здоровой. Вам их не жалко?

Инцидент был исчерпан, все разошлись и успокоились. Женщины долго не могли успокоиться, каждая вспоминала свое. Кого-то били мужа, у кого-то битыми были соседки, примеров для обсуждений хватало.

Раньше всех ложилась спать Катерина, полная женщина без комплексов. Над ней была протянута лично ее бельевая веревка, на которой прямо над головой каждый вечер сушились панталоны огромного размера. Рядом с Катей лежала ее подруга Вера, которая пока еще не спала и продолжала общаться с нами. Вдруг, неожиданно, во сне Катя начала громко издавать неприличные звуки. Это был не единичный звук, а канонада.

Комната заходила от еле сдерживаемого хохота. Вера застучалась за подругу:

– Девки, хватит ржать, шкурка – она короткая, тут закрываешь (она показала на глаза), а там открывается.

Восемь человек в тот вечер умирали в комнате не только от смеха. Заканчивалась первая неделя поисков работы. По объявлению в газете, предварительно созвонившись, я отправилась в туристическое агентство.

В кабинете сидел менеджер компании, мужчина лет тридцати.

– Здравствуйте, это я вам сегодня звонила. Вы мне сказали, чтобы я к вам подъехала... – приветствовала я опешившего менеджера.

– Вы – Дана? Педагог, журналист? Но вы нам не подходите, извините... – растерянно лепетал он.

– Но по телефону вы так не говорили. Наоборот, приглашали и сказали, что есть работа и я смогу приступить. В чем дело? Или вам не подходят нерусские? – задала ему свой вопрос, что называется, «в лоб».

– Да, в компанию берут специалистов только со славянской внешностью. Я – просто менеджер по персоналу, простите... – глядя на свои руки, сказал молодой человек.

– Россия – многонациональное государство, то, что вы сейчас говорите – это дискриминация, нарушение моих конституционных прав! – нервно говорила я.

– Это не мои требования, у меня есть начальство. До свидания! – выходя из-за стола и указывая рукой на дверь, сказал мне менеджер.

В подавленном состоянии я не заметила, как дошла до моста, соединявшего Воробьевы горы и Лужники. Сначала пошла по нему, по пешеходной дорожке, вдоль железной дороги, соединявшей две станции метро. Справа от меня, через каждые три минуты, проносились электрички. Остановившись на его середине, я задумалась о своей никчемной жизни. Кроме меня, никого на мосту не было.

Я плакала от усталости, от жалости к себе, из-за безрезультатной беготни в поисках работы, от голода, потому что последние деньги потратила на покупку проездного и пополнение баланса на телефоне, чтобы быть на связи с детьми. Благо, я уже отдала Одилу деньги за проживание в следующем месяце, и мне не придется пока скитаться без крыши над головой. Несколько минут назад позвонила дочь и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.